

Махинация

Автор:

Елена Звёздная

Махинация

Елена Звёздная

Звездное НастроениеКосмическое настроение

На Рейтане женщина никогда не снимает перчатки. Но если хочешь сохранить свободу – не пытайся узнать почему. Кадеты S-класса всегда выполняют поставленную задачу. Но если не готов потерять всё – не спрашивай о цене.

Он – третий правитель Рейтана, правая рука главы планеты. Его стихия – хладнокровные убийства, нелегальная торговля и шантаж, если потребуется. Она – специалист высочайшего уровня языковой службы Гаэры, запретившая себе любые чувства и имеющая в перспективе блестящую карьеру.

Им обоим было что терять.

Но он протянет руку, она вложит пальцы в его ладонь.

Когда кошмары и мечты объединяются против тебя, просто доверься тому, кого любишь.

Елена Звёздная

Махинация

© Звездная Е., 2019

* * *

Я сидела в дорогом ресторане у самого окна, поглядывая на столицу Гаэры с двухсотого этажа, и медленно пила кофе с карамелью и сливками.

Удовольствие, которое я, как и любой спецгент моего уровня, могла себе позволить не чаще раза в месяц. Идеальный кофе в идеальном месте...

В Эранеспрингс делали, на мой взгляд, лучший кофе на Гаэре, поэтому раз в месяц я позволяла себе наслаждаться вкусом, наслаждаться видом, наслаждаться стильной обстановкой, полупустым залом ресторана и в целом наслаждаться жизнью.

Это практически все, что у меня осталось – вкусный кофе с карамелью и сливками каждый последний понедельник месяца и работа. В принципе, в основном была работа, а кофе это так – яркий момент, придающий немного цвета моей жизни.

Было забавно сидеть и смотреть на мегаполис с такой высоты... Казалось, ты здесь, высоко, паришь над всеми проблемами, суетой, предательством, женихом, которого обнаружила на своей подруге... без одежды и в положении, которое оставляло мало простора для двусмысленности... Выслушивать его попытки объясниться я не стала. Просто ушла. И, сидя здесь, на высоте двухсот этажей, медленно водя пальцем по сейру, отменяла аренду зала, покупку свадебного платья, бронь отеля на островах. Отмена... отмена... отмена... От священника тогда в ответ пришел вопрос: «Вы хотите поговорить об этом?» Ответила: «Нет». Не хотела. Ни с кем и ни о чем.

Сложнее всего было написать шефу, но, собравшись с силами, я отправила сообщение по внутренней почте: «Отпуск уже не требуется». Ответ пришел спустя несколько минут: «Он дерсенг линиялый». Я улыбнулась сквозь слезы, текущие по щекам непрерывно все то время, пока я сидела здесь, медленно, по глотку, пытаюсь пить кофе, казавшийся почти безвкусным.

С того момента прошло три года.

Гилбен и Ненни поженились, я присутствовала на свадьбе как подружка невесты. Улыбалась, фотографировалась, выдержала практически до конца. Обвинять? Сложно обвинять брачующихся на последнем месяце беременности – большую часть свадьбы Ненни была вынуждена вообще просидеть, на второй день после – родила. Гилбен слегка забыл забрать ее из роддома, и единственным человеком, которому она смогла позвонить, была я. Естественно, для начала я отправилась узнать, какого бракованного навигатора, Гилбен не с женой в роддоме, не нашла его и отправила сообщение шефу, что мне требуется покинуть рабочее место, была уверена, что отпустит, я впервые вообще с работы отпрашивалась, а он неожиданно ответил: «Зайди».

Когда я вошла в кабинет к Полиглоту, как мы между собой шефа называли, обнаружила Гилбена, Эрсанну, недавно после выпуска попавшую к нам, и службу внутренней безопасности. На руках Гилбена были наручники, Эрсанна рыдала в потрепанном платье и держала на руках «волчий билет» – черный трудовой сейр. Черный. Для кадета S-класса это было не просто плохо, это была гарантия чистки памяти.

– Уводите, – едва я вошла, приказал шеф.

Я даже не знала, что сказать.

Кроме разве что:

– Шеф, у него ребенок родился... только что.

– Второй не родится, – мрачно глянув на Эрсанну, произнес Полиглот.

Меня передернуло. Ее тоже. Гилбену было все равно, и, помню, меня тогда именно это поразило – ему было все равно. Когда его выводили, он даже не глянул на меня, не спросил ничего... У него ведь ребенок родился, а он... Эрсанну пришлось выносить, она отказывалась идти, и я видела, что ее прямо в коридоре передали с рук на руки спецам из Института Мозга...

– Зайди, – повторил Полиглот.

Молча вошла в кабинет, села на самый краешек стула, напряженно глядя на шефа и не зная... что сказать вообще. Больше всего напугали слова про «второй не родится», но я не представляла даже, как спросить. Судя по черному трудовому сейру, решение уже было принято, обжалованию, соответственно, не подлежало, и в целом тело кадета S-класса принадлежит государству, до определенного количества лет отработки о детях и говорить нечего, да большинству и незачем – специфика обучения такова, что мы всецело отдаемся работе и в ней нет места личным взаимоотношениям... а Гилбен, он просто... мы работали вместе, он умел ухаживать, не мешал моей работе и... подмешивал специальные гормоны в кофе по утрам, как выяснилось позднее. Гораздо позднее.

– Секс на рабочем месте, естественно, нарушение правопорядка, – начал Полиглот, глядя не на меня – на возникший экран перед ним, – но не преступление. Естественно, мы следим за сотрудниками, естественно, в процессе сложной работы иногда случается... снятие стресса подобным образом... Но они прокололись на этом!

И экран развернули ко мне.

В следующее мгновение я была вынуждена сесть удобнее, потому что был шанс рухнуть на пол.

Эрсанна передавала информацию. Танаргцам. По закодированному каналу. Из моего кабинета.

Затем момент, который откровенно потряс: она стащила ключ от моего кабинета. Единственный ключ! Из стола Гилбена. Я так и не забрала, как-то забылось за всеми прошедшими «событиями». Шеф и я заходили просто по скану лица, а для моего бывшего «жениха» было сделано исключение... И вот они, последствия.

– Самое паршивое, – продолжил Полиглот, – что я нутром чую – это его работа. Его, понимаешь. И он девчонку подставил по всем статьям, но...

Кадры сменяются кадрами, и я вижу только два варианта действий – секс их двоих и поступки Эрсанны. Она воровала информацию с сейра Гилбена, когда он выходил, и пересылала ее из моего кабинета, подставляя меня.

– У девочки были прекрасные характеристики, – продолжил шеф, – способности, ее ждало великолепное будущее, вот скажи мне – к чему ей это?!

Я не знала даже, что можно было сказать.

– Против Гилбена нет никаких улик, доказательств, ничего, – продолжил ожесточенно шеф, – ни-че-го. Но единственный в этой паре, кому требовались деньги, – он.

Я недоуменно посмотрела на начальника.

– Удивлена? – Полиглот прищурил серовато-белые, почти прозрачные глаза, в которых зримым оставался только зрачок, и от этого взгляд нашего руководителя был жутким. Но сейчас пугал не он, пугало непонимание ситуации.

Укоризненно посмотрев на меня, шеф тяжело вздохнул, и началось:

– Лея, а ну-ка вспомни, в чьей квартире вы жили, кто оплачивал свадьбу, платье, священника и, в принципе, все?

Я оплачивала... У меня квартира положена по статусу кадета S-класса, и зарплата тоже выше, да и просто я никогда особо деньги не тратила – не на что было.

– Кадеты S-класса, – укоризненно покачал головой Полиглот. – Ты, в принципе, знаешь, сколько стоит аренда квартиры в центре столицы?

Не знала...

Вновь покачав головой, шеф сообщил:

– У Гилбена нет госфинансирования, четыре последовательно сдаваемых экзамена на уровень S-класса он провалил. Тесты сдавал практически на «отлично», экзамены провалил все. Соответственно, его зарплата в десять раз ниже твоей, а живя за твой счет, он привык к высококлассному жилью, отличным флайтам, определенному уровню жизни. На данный момент, вынужденный

жениться на обычной сотруднице, он находится в глубокой финансовой... пусть будет яме. И вот риторический вопрос: кому нужны были деньги? Кадету S-класса с оплачиваемым жильем или мужику, женившемуся по залету, просрочившему все платежи по кредитам и не способному оплачивать квартиру, из которой не захотел съезжать?

Не знала... Я съехала, не хотела больше спать на постели, где они...

– Я очень надеюсь на то, что внутренняя служба выбьет из него признание, – сказал тогда шеф.

Не выбила.

Спустя несколько месяцев полностью оправданный Гилбен вернулся в Языковое управление, снова слегка «забыв» забрать жену из пригорода, куда я была вынуждена отвезти Ненни с малышом к ее родителям. Но он ее исправно навещал, да, поэтому детей теперь у них было двое, а вот Эрсанна даже после чистки памяти была переведена на отдаленную планету в глубоком космосе, изучать язык аборигенов... а это лет на двадцать как минимум, на изолированной станции с одними лишь киборгами в компании.

С Гилбеном я более практически не общалась, несмотря на то, что была первой, к кому он прибежал, демонстрируя «Полностью оправдан» и возмущаясь тем, что Полиглот его просто подставил и вообще недолюбливает с тех пор, как мы с Гилом расстались, прямо как папочка, чью доченьку обидели.

Даже комментировать не стала. Мой отец Гилбена бы после такого не просто «недолюбливал», он бы ему всю рожу разбил, меняя форму черепа раз и навсегда... Но, если честно, я была даже рада, что папа не дожил до момента, когда его дочь, его гордость и любимую девочку, просто использовали.

В любом случае в чем-то Гилбен был прав – его задвинули так далеко в управлении, как только могли. Он старался, сидел на работе по двадцать часов, пахал, как фермерский киборг, с чего-то увлекся энирейским. Язык там был невероятно сложный, приходилось делать операцию, перестраивая горло, чтобы воспроизводить эти звуки, но Гилбен почему-то пошел даже на это, хотя операция была не из дешевых и ему пришлось сменить флайт с премиум-класса на эконом. Я бы не заметила, но услышала, как кто-то из охраны пошутил, когда

спускалась на лифте.

Через год старания Гилбена окупилась!

Это было удивительно, это было невероятно, но энирейцы вышли на связь с нашими напрямую и заявили о готовности вступить в Галактический союз. Шок! Просто шок. У нас не было нужных специалистов для работы по сбору данных, не было информации о языке энирейцев в спектре когда-либо, в принципе, изучаемых, и потому он отсутствовал даже в электронных переводчиках. У нас не было ничего – кроме Гилбена.

На чистейшем энирейском, таком, что представители дипмиссии даже заподозрили в нем соплеменника, он произнес, что бесконечно рад их решению и, несомненно, мы готовы сделать все возможное, чтобы совершенный шаг пошел на пользу всем участникам.

И Полиглоту не оставалось ничего иного, как вытащить Гилбена из «подсобки». Гилбен получил кабинет и трех стажеров – парней, шеф страховался как мог. Начались переговоры, Гилбен сиял, как новая кредитка, развил бурную деятельность и трудился больше, чем просили или намекали. Даже спал в своем кабинете, притулив к стене небольшую кушетку и перейдя практически на круглосуточный режим работы.

Но шеф не был бы шефом, если бы однажды не вызвал в свой кабинет двадцатку лучших сотрудников и не поставил бы перед нами задачу повторить появившуюся на экране фразу:

– Гээхътрэкатахгцрвр греякъят эманштрацгхъ.

Без хирургических изменений голосовых связок повторить в нужной тональности, с нужным звучанием и попасть было нереально. И практически, и фактически. Но все двадцать сотрудников были кадетами S-класса – мы попытались. Прикидывали, тренировались, и дошло почти до игры – мы произносили, программа выдавала процент соответствия. Начали с двадцати процентов, что было вообще ни о чем для спецов нашего уровня, потом пошли цифры: 40, 50, 75. И в итоге сканер вдруг выдал:

– Лея Картнер, идентичность сто процентов.

А в окно пробились первые лучи поднимающегося из-за горизонта солнца. Мы просидели здесь всю ночь с шести вечера, без перерыва на еду и прочее. И всем было интересно до жути.

– Надо будет седьмой язык взять, – произнесла, поднимаясь, Кенна. – Лей, соберешь всю инфу для сканера?

– Естественно, – отозвалась несколько оглушенная осознанием я.

И пока все искренне поздравляли, расходясь по домам, но в основном по кабинетам, я сидела и повторяла фразу: сто процентов, снова сто процентов, опять сто процентов.

– Я был уверен, Герна попадет, – задумчиво отозвался шеф, достав трубку и набивая ее табаком – Полиглот был традиционалистом в вопросах курения. – Она массивная, с гораздо большим диапазоном, чем у всех нас, вместе взятых.

О да, Герна помимо работы еще развлекалась оперным пением, и ее диапазон действительно поражал всех, а музыкальные критики так вообще искренне сожалели, что дива так редко выступает. У меня же способности были средние, и брала я всего две октавы, ну, при большом старании и тренировках, три, но это был мой максимум.

– Итак, – решил подвести итог глава Языкового управления, – минус – ты наивная, Лея, и это факт, плюс – с Гилбеном ты уже имела дело и знаешь о нем больше других. Что ж, поздравляю, малышка, ты летишь на Рейтан в качестве главы дипломатического представительства.

С искренним непониманием посмотрела на шефа.

– Глазки мне не строй, – грубовато приказал он. – Гилбен рассчитывал именно на это – возглавить дипмиссию, что: а) – принесет ему деньги, которые, кстати, сейчас пойдут тебе, и б) – карьерный рост всегда был его голубой мечтой. Но я еще не забыл тебя и Эрсанну. Подъем, начинай готовиться.

И больше не обращая на меня внимания, он набрал номер внутренней связи и обратился к кому-то по ту сторону экрана:

– Багор, дело есть.

Почему он связался с Багором, я правда вот вообще не поняла – Багор отошел от дел, сейчас его место главы разведуправления занимал прежний король преступного мира, но, видимо, шеф позвонил старому другу по привычке. А может, и не только.

В любом случае я, покинув кабинет начальства, ушла к себе и начала готовиться. Быть представителем Гаэры – это величайшая честь, принести пользу своей планете, собрав информацию о новом мире и языке – честь вдвойне.

Не знаю, как отнесся к ситуации Гилбен, но ко мне он пришел в благостном расположении духа, поздравил с назначением, правда, не особо искренне, и сказал, что возьмется за меня и подготовит наилучшим образом. И он взялся.

До вылета оставалось три недели, поэтому новый язык пришлось учить с ходу фразами, причем теми фразами, которые пойдут в оборот сразу по прибытии. Соответственно, мы начали с приветственных фраз, и меня поразило то, с каким искренним удовольствием Гилбен меня обучает, ему действительно нравилось это, он подошел к процессу с рвением и старанием. И заставлял меня повторять фразы снова и снова, оттачивая до идеального звучания.

И что-то в этом всем сильно не нравилось Полиглоту.

Поэтому через две недели занятий он попросил у торгового представительства Рейтана кого-нибудь для проверки. Представительство прислало милого седого старичка, который выслушал меня с огромным удовольствием, даже щурясь от удовольствия, похвалил и сказал шефу, что все замечательно.

Придаться было не к чему. Сканнер выдавал мне все те же сто процентов, Гилбен утверждал, что у меня природные способности к языку, опять же, представитель дипмиссии... но шефу что-то не нравилось. В результате в один из дней он позвонил мне и сказал:

– У тебя вылет через пять дней, так что на свой кофе в последний понедельник месяца ты не успеваешь. Сходи сейчас.

И отключился.

А я подумала: почему бы и нет?

В итоге сейчас сидела в Эранеспрингс на своем любимом месте у окна и, потягивая кофе со сливками и карамелью, смотрела на город. Гаэра – самое прекрасное место в мире, это особенно четко понимаешь перед отлетом на длительное время. А мне предстояло покинуть планету как минимум на год.

И вдруг воспаленное стремительным изучением сознание ухватило слово «Хрегххгггц». Искренне удивленная, я повернула голову на звук и увидела двух мужчин, пожалуй, единственных, кроме меня, сидящих в этой части ресторана с видом на восток. От гаэрцев их отличал более смуглый цвет кожи, совершенно удивительные ярко-синие с алым зрачком глаза и чуть более быстрые движения. И если глаза я еще могла списать на новое всеобщее увлечение кибернетическими линзами, то вот движения вызвали во мне интуитивное опасение, отработанное всем курсом боевых навыков. Гаэрцы так не двигаются. И гаэрцы так голову не поворачивают – сидящий справа мужчина повернулся резко и так стремительно, что я невольно вздрогнула. В его движениях и взгляде просто до привкуса опасности на губах чувствовались враждебность и напряженность.

Я, воспитанная отцом в восточной культуре, которая, как выяснилось, имела массу сходств с рейтанской, безумно смутилась, мгновенно встала, подошла и, поклонившись со сложенными вместе перед грудью ладонями, не поднимая глаз, извиняясь, протарабанила:

– Искренне прошу прощения, сахир, я не желала помешать или прервать несомненно важный для вас разговор. Причина моего пристального внимания заключалась в том, что вы обменялись несколькими словами на энирейском, который я сейчас изучаю, и только. Я повторно искренне прошу простить меня.

И, высказав все это, я собиралась, не поднимая головы, уйти, заплатить по счету и вообще покинуть ресторан, но...

Но сахир самым неожиданным образом вдруг произнес:

– Спину ровнее, руки должны быть менее напряженными, при извинениях допускается смотреть на собеседника, если тот сидит, и... каким образом вы изучаете слова, подобные тому, что в порыве излишней эмоциональности высказал мой подчиненный?

Я... я, возможно, была наивная, тут шеф прав, как раз по гуманоидной психологии у меня были самые низкие баллы, но... «Каким образом вы изучаете слова, подобные тому, что в порыве излишней эмоциональности высказал мой подчиненный?» А что может быть сказано в порыве излишней эмоциональности?!

Медленно выпрямившись, но все еще держа руки в просящем жесте перед собой, я севшим голосом спросила:

– Это было... ругательство?

– Более чем, – пристально глядя на меня, произнес эниреец.

Я застыла, потрясенно глядя на него. Ругательство?! Сколько процентов вероятности того, что специалист моего уровня мог неверно услышать слово? Да ни одного!

– Санэн, – все так же глядя на меня, вдруг произнес эниреец, – заплатите по счету девушки и возвращайтесь на рабочее место. – И, поднявшись, из-за чего стремительно увеличился в размерах, уже мне: – За мной. Без слов, без возражений, держитесь ровно на два шага позади.

Находясь в любом другом состоянии, я бы абсолютно точно сказала «нет», сейчас же без возражений последовала за сахиром, с трудом осознавая все, что произошло. Или не осознавая. Осознать подобное было практически невозможно.

Мы покинули ресторан, и я едва ли ответила на прощание баристы, с которым за столько лет мы практически подружились, но на невербальном уровне – ему на работе было запрещено разговаривать с посетителями ресторана, мне, по той же работе, в принципе, с работниками его уровня.

В лифте, который стремительно рванул вверх, я несколько опомнилась и хотела было возразить, но мой спутник, усмехнувшись, сообщил:

– Боюсь, вы не в том положении, чтобы беречь свою честь.

Я не совсем поняла, о чем он, но тут лифт доехал до верхнего уровня гостиницы, открываясь в пентхаусе. В ЛИЧНОМ пентхаусе.

– Я... – начала смущенно.

– Будете моей гостьей. К сожалению, в ином варианте наши встречи недопустимы в принципе. Лея Картнер, как я понимаю?

И я молча вошла на личную территорию не просто незнакомого мужчины, но представителя другого мира фактически.

– Проходите в зал, устраивайтесь вон на том широком белом диване, – обойдя меня и открыв ближайшую дверь из затемненного стекла, приказал, не попросил, а именно приказал сахир, – а я, так и быть, проявлю гостеприимство и сделаю нам напитки. Даже сам.

Я, похоже, ничего не знаящая о энирейском гостеприимстве, молча последовала приказу.

Прошла в роскошный, отделанный в сверхсовременном стиле зал, с огромным экраном, явно возникающим на месте ныне видимой картины, прошла по каменному полу и неловко присела на край белого кожаного дивана в тревожном нервном ожидании.

Эниреец явился через несколько минут, опоздав к началу моих моральных терзаний, но успев к принятию решения о мгновенном покидании данного гостиничного номера, одним словом призвал небольшой пушистый ковер, тоже белый и скорее похожий на шкуру, который скользнул из-под дивана и едва не заставил вскрикнуть меня, переставил на стеклянный столик напитки – кофе со сливками и карамелью для меня и нечто явно спиртное янтарного цвета себе, затем уже этот столик переставил на коврик и пояснил мне:

– Вы так дрожите, что, боюсь, в ином случае нам придется бегать за ускользающим по гладкому полу столом.

Только сейчас поняла, что меня трясет буквально, причем всем телом. Невнятно улыбнулась в ответ на его теплую и полную расположения улыбку, тут же отвела взгляд, так фактически и не рассмотрев сахира... Боюсь, такими темпами я его потом при повторной встрече не узнаю.

– Итак, – вольготно устроившись на диване на расстоянии вытянутой руки от меня, произнес эниреец, – начинай.

Ситуация рвала все мои шаблоны на куски и тряпки.

– И да, кофе тебе. – Кажется, сахир снова улыбнулся, широко и во все сорок с чем-то там клыков.

Видимо, хотел продемонстрировать, что он действительно представитель Рейтана.

Судорожно выдохнув, я схватила кофе, сделала глоток через соломинку, неожиданно поняла, что тут кофе вкуснее, чем в ресторане... сильно удивилась этому факту и выговорила первую полагающуюся по этикету фразу:

– Гехрр кацатнар жъегггрш эметри, аноасътер герхарнагерц.

Сахир выслушал молча, но улыбаться перестал. Потянувшись, взял свой стакан, прокрутил, вдохнул аромат напитка, посмотрел на меня и произнес:

– Я даже не знаю, как бы тебе так помягче сказать об этом. Первая часть фразы идеальна, действительно то, что тебе требуется, то есть традиционное энирейское приветствие, а вот вторая... Думаю, будет лучше, если покажу.

Он активировал встроенный сейр, проявившийся экраном прямо над его рукой, держащей стакан, вбил что-то в поисковую систему, прокрутил, видимо пытаясь найти что-то конкретное, а вот затем указал кивком на экран, как я и предположила, возникший перед картиной, и вот на нем... Анатомическое сложение энирейцев от нашего отличалось мало, и мне, узревшей особь при

полном отсутствии одеяния, было это отчетливо видно, но поразило не это – отважно скакавшая на энирейце девушка, потрясая как телодвижениями, так и явно накатывающим на нее экстазом, повторяла одно и то же слово:

– Аноасътер, аноасътер, аноасътер, аноасътер...

И похоже, под это слово ей и стало окончательно хорошо, а сахир выключил запись порнофильма.

Я сидела как оплеванная, дрожащими руками держа кофе и не веря в происходящее.

– Кто направил тебя ко мне? – сделав глоток виски, поинтересовался эниреец.

– Шеф, – совершенно честно ответила я. Боюсь, после того, что я ему только что сказала, скрывать было уже нечего. – Я пью кофе в этом ресторане каждый последний понедельник месяца, но мы улетаем через пять дней... шеф неожиданно предложил сходить сейчас... – К последнему слову мой голос осип окончательно.

– Предусмотрительно с его стороны, – уважительно произнес сахир. – По протоколу первым лично встречающим представителя нового мира должен являться герхарнагерц. – Заметив мой удивленный взгляд, пояснил: – Наш правитель. По этой причине контактирование с Гаэрой производилось исключительно удаленным способом, не на государственном, а минимально-торговом уровне, я в целом прилетел по личному делу, и фактически я – твоя очень счастливая случайность.

И, отсалютовав мне стаканом, сахир выпил все до дна, поднялся и, выходя из зала, спросил, обернувшись через плечо:

– Тебе принести что-нибудь выпить?

– Уже есть, – тихо ответила я, указав на кофе.

– Уверена? Что-то мне подсказывает, что дальше нам будет веселее.

Он вернулся с бутылкой, сняв где-то там с себя рубашку и обувь, а потому по возвращении вид имел вполне домашний и свойский. Это не отменяло того, что опасность сахир более чем представлял. Она ощущалась во всем – в движениях, в том, как он, несмотря на то что это было его личное пространство, отслеживал это пространство, в жестах, в поворотах головы.

– Интересно, сколькими способами вы можете меня убить? – вдруг спросила я, глядя, как сахир наливает в свой стакан виски.

– Кадет S-класса, – мгновенно догадался он.

Пожала плечами, подтверждая.

– Если имеется в виду голыми руками – то будет достаточно одного удара, – и мне очаровательно улыбнулись во все сорок или сколько там клыков.

Это была... оригинальная информация. С тоской подумала, что за все три недели ни разу не посетила тренировочный зал... Позор мне.

– Ну-с, продолжим, – предложил сахир.

– Только, пожалуйста, без порнофильмов, – опустил глаза, попросила я.

– Мм-м, это как получится, – многозначительно произнес он.

В течение следующего часа я узнала, что безукоризненно, без акцента даже способна произносить на энирейском такие выражения, как: «Возьми меня прямо здесь», «Возьми глубоко», «Возьми в...», «Я хочу тебя прямо сейчас», «Ты меня возбуждаешь», «Да, да, сильнее, глубже» и многое другое. Без порнофильмов сахир, к слову, не обошелся, ему доставляло истинное удовольствие видеть мое горящее от стыда лицо как при виде эротических сцен, так, собственно, и когда звучали эти самые слова и выражения.

Внезапно вспомнила, с каким удовольствием слушал меня Гилбен... Стало безумно противно.

– Самое паршивое заключается в том, – выключив очередное произведение порнографического искусства на самом пике нестандартного секса, о котором я, как оказалось, тоже могу просить на чистейшем энирейском, начал сахир, – что подставили тебя очень качественно. Понимаешь, слова похожи. Так, «аноасътер», что переводится как... пусть будет «начинаю получать пик эротического переживания», по звучанию очень близко «аноастерн», что переводится как великий, величайший, имеющий наибольшее значение.

Я сидела как оглушенная и в то же время как кадет S-класса: столкнувшись с проблемой, я сразу начала искать решение. И да, я нарушила все правила этикета, но может... может...

– Вы сможете мне помочь? – наконец спросила я, с надеждой взглянув на сахира.

Молод он не был – от глаз расходились лучиками морщинки, между бровей залегла борозда, выдававшая неожиданно мрачный характер этого вполне улыбчивого со мной мужчины. Но он улыбнулся еще шире, под моим взглядом рассмеялся, а затем, вновь наливая себе, произнес:

– Детка, оставь церемонии, какое тут «вы», если мы только что с тобой порнуху вместе смотрели?

У меня просто слов не было.

Но сахир, перестав издевательски улыбаться, неожиданно серьезно произнес:

– Естественно, помогу, я заинтересован во вступлении Рейтана в Галактический союз, и мне лично было бы крайне интересно узнать, кто не заинтересован... Раздевайся, в душ сходи, вода поможет как минимум успокоиться, я пока еду приготавливаю. Мясо ешь?

Неуверенно кивнула.

– Душ там, гостевая спальня в твоём распоряжении. И возвращайся в халате, твоя кофточка после всего просмотренного будет явно отвлекать меня от работы.

И сахир покинул зал, оставив меня растерянно допивать кофе. Естественно, я его не допила.

* * *

В гостевой спальне все было тоже роскошно, шикарно и нетронуто. Я оставила сумочку на столике, начав расстегивать кофточку, обошла все по кругу, нашла ванную и включила воду в душевой на полный напор. Меня трясло. Меня просто трясло, и от омерзения, и от ощущения гадливости, и от стресса, и от осознания всей ситуации. Душ действительно помог успокоиться хоть немного, заставив взять себя в руки и отказаться от крайне соблазнительной идеи просто сесть и расплакаться.

После наскоро высушила волосы, замоталась в полотенце и вышла за одеждой – моего комплекта из юбки, рубашки и чулок не было, на его месте лежал новенький – из спортивной майки, толстовки и свободных брюк.

– Простите, сахир... – начала было я.

Но из глубины номера раздалось:

– Надевай молча, без слов. И собери волосы. Мне с тобой придется работать всю ночь, на секс времени не будет.

Да я и не соглашалась! На секс, в смысле.

– И халат сверху! – донеслось откуда-то оттуда.

– Я запарюсь, – мрачно сказала я, скорее самой себе и потому тихо.

– Это вряд ли, – каким-то невероятным образом услышал сахир.

Молча вытащила спортивный костюм из упаковки, надев, утонула в нем. Сходила в ванную, взяла мужской здоровенный халат, надела сверху, поясом можно было замотаться чуть ли не сверху донизу. Завязала пояс. Собрала в пучок волосы. Стерла и так практически не имеющуюся на мне косметику.

Вышла из гостевой спальни.

Сахир, настраивающий что-то в гипотетически не существующем экране, глянул на меня и сообщил:

– Умыться забыла.

– Умылась, – мрачно возразила я.

Скептически оглядев меня, эниреец произнес:

– Ладно, в крайнем случае вызову любовницу. Садись за стол.

Я хотела было сказать, что мне эротики на сегодня хватило выше крыши разведуправления, а у них самое высокое здание в столице, но промолчала по одной-единственной причине – этот сахир нужен был мне как даже не знаю что. Поэтому я молча прошла к столу, осмотрела внушительный кусок недожаренного мяса на тарелке, стоящей на одной его стороне, обогнула стол, осмотрела другую тарелку с куском поменьше раз в пять и прожаренным гораздо лучше, там и села. К тому же там стоял кофе – крепкий, очень крепкий.

– Как у кадета S-класса, у тебя должна быть высокая обучаемость. Я прав? – продолжая возиться с экраном, спросил эниреец.

– Да, – уже не слишком уверенная в этом, ответила я. И добавила: – Но это в основном касается только языков.

– А боевая подготовка? – закончив с экраном и отойдя к системе кондиционирования, спросил он.

Пожав плечами, прикинула его возможности и ответила:

– Голыми руками я вас... тебя не убью точно, с ножом вероятность достигает девяноста процентов.

– Это если я сопротивляться не буду? – уточнил, усмехнувшись, сахир.

– Теоретически это если будешь... сопротивляться, – сообщила я.

В следующую даже не секунду – ее сотую часть я оказалась прижата к груди энирейца, отчетливо ощущая острие ножа для нарезки мяса у собственной сонной артерии.

– Уверена? – издевательски поинтересовались у самого моего уха.

– Уже не очень, – честно ответила я.

– Значит, мы имеем в наличии только способности к языкам, – вернув мой нож на место и отпуская меня так, словно вообще ничего не было, произнес сахир.

И, отправившись на другую сторону стола, сел на свое место, поднял нож и произнес:

– Лэнэр.

Указал на вилку:

– Акхэ.

На мясо:

– Сгхц.

Практически одновременно с последним произнесенным им словом заработал кондиционер, и в зале стало холодно. Очень холодно. И холодало, и холодало дальше, заставляя поеживаться меня и вызвав признание у энирейца:

– Ты меня слишком заводишь, так что придется так, малышка. Замерзнешь – принесу одеяло.

При слове «одеяло» его глаза нехорошо сузились... Я подумала, что одеяло – не слишком хорошая идея.

А дальше началось с этикета – на Рейтане женщина могла есть за одним столом с мужчиной в двух случаях: в случае личных отношений, в которые, как это ни удивительно, входила и работа, и в случае сватовства. Все. В иных случаях женщина ела за другим столом, в другом помещении и вообще где-то там, далеко.

– По тому, как ест женщина, о ней можно сказать слишком многое и не всегда то, что хотелось бы знать мужчине, – пространно объяснил мне сахир и издевательски добавил: – По тому, как ешь ты, можно сказать, что ты еще спишь.

– Вроде как нет, – осторожно возразила я, намекая, что все это точно не сон, иначе мне не было бы так зверски холодно.

– В определенном плане спишь, – издевка проявилась и в улыбке.

Решила не прояснять.

– Таким образом, – продолжил сахир, – в случае, когда ты садишься за стол с нашим правителем, напоминая его титул – герхарнагерц, ты имеешь право сесть за этот стол, но есть – нет. Любой кусок, проглоченный тобой за одним столом с мужчиной, позволяет ему объявить тебя своей.

Я, почти уже доевшая мясо, последний кусок проглотила не с первого раза.

– Да, ты попала, – нагло сообщили мне.

После чего, налюбовавшись подавившейся мной, сахир добавил:

– То же самое касается одежды – принимая одежду от мужчины, ты принимаешь его покровительство. В интимном смысле, естественно.

Я как сидела...

– Под запретом практически все, – продолжил с аппетитом ужинающий эниреец, – от цветов до обычной ручки, карандаша или даже скрепки. Прикоснулась – приняла в подарок. Учítывая, как тебя подставили сейчас,

подобное будет проделываться и в дальнейшем. Тебе придется быть осторожной, максимально осторожной, на твоём месте я бы носил перчатки. К слову, закажу тебе десяток пар.

Быстрый оценивающий взгляд на мои руки, и, призвав сейр, сахир, откровенно игнорируя все, что только что сам же сказал, заказал мне перчатки. После одежды. Обувь. Белье. Учитывая, что при заказе все это демонстрировалось в полном объеме в трехмерной проекции над сейром, естественно, я все это видела.

– Я не приму, – выговорила, наконец, откашлявшись после того, как подавилась.

– Поздно, фактически ты уже носишь одежду от меня, ты в моем доме, ешь со мной за одним столом, и я же сказал – ты не в том положении, чтобы заботиться о своей чести. – Подмигнул и уже серьезно спросил: – Про цветы поняла?

– Да, – мгновенно ответила я.

– У вас это ни к чему не обязывающий подарок, у нас – кандалы на всю оставшуюся жизнь. Поэтому фактически руки девушек всегда скрыты под одеждой. С женщинами все проще – в случае если подарок был вручен ей с не благими намерениями, в дело вступает ее мужчина.

– И-и? – протянула я.

– Обычно хватает одного удара, – широко улыбнулся сахир.

Я все не знала, как бы повежливее узнать его имя, хотя в свете всего про вежливость, похоже, следовало забыть.

– Одного удара кого? – уточнила я, берясь за кофе.

– Зависит от мужчины, – пожал могучими плечами сахир. – Закон сильнейшего действует всегда. В некоторых случаях слабейшему приходится уступить свою женщину на одну ночь, в некоторых – на всю жизнь. По ситуации.

Ситуация нравилась мне все менее.

Сахир тем временем закончил с едой, запил ее все тем же виски и, поднявшись, принялся убирать со стола. Я подхватила было тоже, но была остановлена приказным:

– На диван. Свой сейр не включать. Уберу сам, прислугу звать было бы глупо в нашем положении. Учись.

И он движением руки включил экран, над которым до того явно качественно поработал – экран был отключен от всеобщей сети Гаэры, и то, что он начал показывать... Да, я бы не рискнула включать свой сейр. На видео были встречи, собственно, встречи дипломатических представителей с самим правителем, то есть герхарнагерцем. Этот самый герхарнагерц был внушительного роста, уважительного возраста, седовлас и крайне опасен. Это я поняла спустя минут десять, когда сахир вернулся, укрыл меня теплым одеялом, сам в одних брюках и майке уселся рядом с неизменной бутылкой, и началось:

– Смотри. Данный посол при поклоне опустил руки ниже груди. Это оскорбление.

Наказание было впечатляющим – герхарнагерц неуловимым движением извлек узкий одноручный меч, по форме близкий скорее к катане, нежели к привычному мечу, и снес дипломату голову... И вот голова еще катилась, подпрыгивая, по алому бархатному ковру, обезглавленное тело все еще стояло, пошатываясь и готовясь рухнуть, а остальные дипломаты, низко кланяясь, проговаривали и проговаривали извинения.

– Протянуть руку для рукопожатия – оскорбление, – равнодушно продолжил сахир. – Взгляд в глаза правителя: если ты мужчина – оскорбление, если женщина – предложение. К слову, правитель в целом очень равнодушен к женскому полу, однако не все покидают его спальню, передвигаясь на своих ногах, некоторых выносят... иногда сразу в морг. Все поняла?

– Никогда не смотреть в глаза герхарнагерцу, – с трудом проговорила я.

– У тебя замечательное произношение, – похвалил сахир.

Мелькнула трусливая мысль пойти поговорить с Полиглотом, меня как ценного сотрудника должны пожалеть... С другой стороны, представлять Гаэру – честь,

которую едва ли следует отдавать в руки подлым людям. А Гилбен оказался невероятно подлым. Настолько, что меня снова начинало трясти, стоило только вспомнить, чему он меня учил!

– Продолжаем? – поинтересовался мой неожиданный... спаситель, хотя, учитывая все факторы, он едва ли подходил под это определение.

Молча кивнула.

Мы продолжили.

Всю ночь. Затем пятнадцатиминутный сон и весь день. Сахир, имени которого я так и не узнала, покидал меня дважды – утром, когда ушел на встречу, оставив меня с тетрадкой и карандашом учить фразы, и в обед, приготовив, собственно, мне обед перед уходом.

С последней встречи вернулся злой, как был в деловом костюме, прошел ко мне, без него отогревающейся с открытыми окнами, протянул сейр с изображением старичка, который проверял мое энирейское произношение, и спросил:

– Он?

Потрясенно прошептала:

– Да.

– Покончил с собой вчера ночью, – мрачно сообщил мне сахир. Выпрямился и уже беззаботно добавил: – Принес тебе пирожных.

– Спасибо, – несколько нервно ответила я.

– Выглядишь уставшей, – окинув меня придирчивым взглядом, произнес эниреец. – Сделаю тебе ванну.

И, уйдя в свою спальню, крикнул мне:

– Иди выбери себе сладости, иначе заснешь в воде.

Подчинилась безропотно. То ли сил на сопротивление не было, то ли потому, что голова безумно болела.

Сходила на кухню, мы в ней завтракали, так что уже знала, что и где. Впечатлилась ящиком пирожных. Двухъярусным, прозрачным. Поотрезала себе по кусочку от трех пирожных, которые, в принципе, знала, остальные даже никогда не пробовала, положила аккуратно в тарелочку, рядом на нее из-за моей спины поставили бокал с кофе, залитым сливками.

Насколько же я устала, если даже шагов сахира не услышала.

– Бери с собой и топай в мою ванную, – приказал он.

– А в моей что? – удивилась я.

– Я у себя воду налил, – просто, с его точки зрения, пояснил он.

Молча пошла в спальню сахира, вошла в ванную... с пеной, лепестками роз и ароматом цитрусового эфирного масла, видимо, для придания мне бодрости, заперла дверь. Проверила, хорошо ли заперла. Подумала, взяла имеющийся в ванной стул, придвинула и подперла ручку так, чтобы не открыть. Разделась... до нижнего белья, забралась в ванную, застонав от наслаждения, и... дверь открылась.

И пока я сидела, открывая и закрывая рот от прочувствованности момента, наплевавший на все законы запираания дверей эниреец втащил в ванную кресло, следом столик, пододвинул все ближе к ванной, на столик установил проектор и, устроившись в кресле, включил запись.

– Что? – спросил, наконец заметив мой взгляд.

– Да как бы это нарушение всех личностных границ, – почему-то уже не слишком уверенно сказала я.

– Да брось, мы же порнуху вместе смотрели, – выдвинул основной аргумент он и включил видео.

К счастью, не порно.

Это оказалась детская обучающая программа. С картинками, буквами, мультиками. Самое то, чтобы изучить язык.

– Запросил вчера из правительственного дома, – вновь взявшись за бокал, на этот раз с вином, сообщил сахир. – Это программа для детей высшего сословия. Я решил, что тебе для закрепления информации будет полезно.

– Это самое то, что нужно, – неотрывно глядя на экран, прошептала я.

И еще одна бессонная ночь, с пирожными и кофе в горячей ванной для меня, с вином и мясом в ледяном остуженном до состояния образования сосулек воздухе – для него. К чему такие страдания, я понять не могла, но, встав один раз, чтобы сбегать кое-куда, чуть не заledenела, и по дороге туда, и возвращаясь обратно.

– Вообще-то туалет есть здесь, – заметил, казалось, даже не взглянувший на меня сахир. – И белье могла бы снять хотя бы из благодарности.

– Вообще-то это неприлично.

– Быть неблагодарной? – язвительно поинтересовался он.

Вылезла из ванной, сходила к нему, забрала майку из шкафа, натянула на дрожащую себя, вернулась в горячую ванну и облегченно выдохнула – температура в гостиничном номере была адская. В смысле, адски низкая.

– А ты мне начинаешь нравиться, – задумчиво произнес сахир, как только я гордо залезла в воду.

– В плане? – поинтересовалась я, берясь за кофе и неотрывно глядя на экран, где пелась детская песенка о том, как правильно нужно бить других детей, чтобы забирать у них конфеты.

Своеобразный менталитет.

– В смысле не только эротическом, – отозвался мужчина, отвечая на вызов кого-то по сейру.

Мой собственный был мне не доступен. Все, что я смогла сделать вчера вечером, – отправить шефу сообщение о том, что меня некоторое время не будет. Шеф прислал в ответ странное: «Удачи». На этом сахир отобрал мой сейр, и я не могла упрекнуть его в этом – все же информация о том, что твой правитель может запросто голову кому-либо отрубить и жен у дипломатов отбивает на раз, едва ли способствовала бы интеграции Рейтана в Галактический союз. С другой стороны, писать свод правил для наших дипломатов придется мне... и он будет внушительным, хуже, чем для Танарга. Хотя что может быть хуже Танарга?! Последнюю нашу дипмиссию продержали в заключении более пяти суток, вернули с промытыми мозгами – теперь лечат все представительство, почти семьдесят человек. С другой стороны, тут хотя бы вылечить можно, а вот с отрубленной головой к медикам идти поздно.

На следующей песенке про отними у друга кусок чего-то, вроде хлеба, хотя я не уверена, удивленно посмотрела на сахира, уже закончившего разговор.

– Кусок гриба, – пояснил он мне.

Остановил видео и прокрутил еще раз. Я поняла, что действительно гриб – огромный и пористый, что-то вроде древесного.

– Ка-ю, – пояснил для меня эниреец. – Гриб священного дерева Ка-э. Уникальный, обладающий способностью усиливать скорость реакции и уверенность в себе. Дорогой. Крайне. В редких случаях после шквальных ливневых гроз произрастающий в отдаленных от Ка-э местах, иногда их находят дети. Песенка обучающая.

Из всего этого я поняла практически главное:

– Ваши дети воспитываются без присмотра на улицах, поэтому и могут найти это Ка-ю?

– Мальчики – да. Выжил – вернулся домой, не выжил – не вернулся, – последовал лаконичный ответ.

В ужасе посмотрела на энирейца.

– И какой процент выживания... детей? – с трудом выговорила я.

– У нас принято многоженство, – просто ответили мне.

Значит, в обществе девочек больше, чем мальчиков, соответственно, многие мальчики погибают в детстве... «Не выживают», если использовать терминологию сахира.

– Я искренне надеюсь, что эта... традиция утратит свое значение со вступлением Рейтана в Галактический союз, – неожиданно произнес сахир. Повел плечом, разминая затекшие мышцы, и добавил: – Возможно, поэтому и не женился до сих пор. Из девяти братьев двоих смерть обняла на моих глазах, один погиб, закрыв меня собой, еще двое отравились грибами... которые были похожи на Ка-ю, но не являлись ими.

Он вдруг замолчал, затем сипло произнес:

– Прости, вино делает меня болтливым. Продолжаем.

И он вновь включил видео с песенкой. Жуткой песенкой. Но ничто не позволяет выучить иной язык с той скоростью, как детские песни, сказки, стихи, считалочки. Учишься воспринимать язык на уровне носителя, начинаешь понимать больше, изучая язык, как ребенок.

А еще начинаешь понимать, почему этот сахир уделяет тебе столько времени и внимания...

– Кстати, ты заметила, кто использовал те обороты речи, которым частично обучили тебя? – вдруг спросил он.

Неуверенно мотнула головой, но память мгновенно выдала образ – мужчины с синхронными движениями, затянутые в черные мундиры.

– Танарг? – тихо спросила я.

– Да, – мрачно подтвердил сахир.

И я, вдруг решившись, наконец спросила:

– А как тебя зовут?

Внимательный взгляд темно-синих, ярких даже в полумраке глаз, и очень спокойное, угрожающе спокойное:

– Тебе лучше не знать.

– Ну, что-то в этом духе я и предполагала, – искренне ответила ему и вернулась к просмотру видео, чувствуя на себе взгляд энирейца.

* * *

К утру я вымоталась настолько, что несколько раз вылезала из ванной, просто чтобы проснуться от холода – меня вырубало на ходу.

– Иди спать, – приказал находящийся все еще со мной сахир и отключил подогрев воды в ванне.

Это было хорошей идеей, только холодно было очень.

– В твоей спальне сделаю потеплее, – поднявшись и протянув мне полотенце, произнес мужчина.

– А... в остальном номере?

– Холоднее на порядок.

Да куда уж холоднее? Но говорить ничего не стала. Завернувшись в полотенце, пожелала ему хороших предрассветных часов и ушла в гостевую спальню. Пока

дошла, продрогла насквозь, так что еще у себя под душем горячим постояла, потом, толком не вытираясь, в полотенце залезла под одеяло, игнорируя оставленную для меня ночную рубашку, и вырубилась, едва голова коснулась подушки.

Уже во сне отметила, что потеплело и кончик носа больше не мерзнет.

* * *

Спала долго и неожиданно крепко. Настолько, что проснулась от зазвеневшего сейра, и, резко поднявшись, обнаружила... что я в ночнушке. Когда и как ее на меня надели, я понятия не имела.

Но порыв злости был сметен появившимся сообщением от Гилбена: «Милая, ты где?!»

Милая, значит...

«У любовника», – ответила я.

Ответ начал писаться мгновенно, стирался и писался снова и снова стирался... Видимо, кто-то был в ярости.

«С начальством согласовано», – продолжила я.

Писаться что-либо перестало.

«Продолжайте подготовку к миссии», – добавила я и вырубила связь с Гилбеном.

Почти сразу пришло сообщение от шефа:

«Наш герой-любовник крушит все в своем кабинете».

«Он меня так подставил!» – написала я.

Полиглот ответил:

«Я предполагал что-то подобное. Надеюсь, Багор подкинул нужного сахира».

И я поняла, кому обязана знакомством.

«Нужного», – успокоила шефа.

«Рад. Учись», – ответил он.

И отключился.

Дверь открылась практически сразу. Вошедший эниреец молча продемонстрировал мне свой сейр, на котором отчетливо были видны все мои исходящие и входящие.

– Любовник? – насмешливо произнес эниреец.

– И тебе доброго дня, – ответила, отложив сейр.

– Пошли обедать, – приказал сахир и вышел. Уже издали донеслось: – Такой нужный, я уже приготовил обед.

Вылезая из постели, умываясь, собирая волосы и натягивая халат, я все думала об одном моменте и, когда вошла на кухню, с недоумением, которое не отпускало, прямо спросила:

– Почему ты сам готовишь?

– Хргц энтра ъвс, – последовал ответ.

Три слова, всего три слова, а перевод: «Так я точно знаю, что пища безопасна».

– Энгра эцг каэтрэн? – поинтересовалась, проходя за стол.

«Ты всегда сам готовишь?» – был мой вопрос.

Сахир внимательно посмотрел на меня, удовлетворенно кивнул, видимо оценив мое произношение, и ответил:

– Эс-хар.

Что означало: «Дома готовит прислуга, которой я доверяю, их жизни зависят от моей».

Да, энирейский был не самым простым языком, используемым в открытых нашей цивилизацией мирах.

– Ты хорошо говоришь, но ощущается напряжение, – сообщил сахир, подойдя и ставя передо мной тарелку с омлетом и салатом, а также большую чашку кофе. – Поиграем сегодня, – попытавшись погладить меня по щеке, сказал он.

Попытавшись, потому что я все же кадет S-класса – я уклонилась, инстинктивно избегая прикосновения. Под насмешливым взглядом вернулась в исходное положение.

– Поиграем сегодня, – повторил сахир. – При любом неверно произнесенном слове или предложении я отрезаю кусочек от твоей одежды.

– Зачем? – испуганно спросила я.

– По трем причинам, – ответил сахир, беря собственную тарелку, опять с мясом, едва прожаренным. – Первая: ты потеряла форму, не в плане форм, там все отлично, но скорость реакции снижена явным игнорированием тренировок.

Вот тут он был полностью прав.

– Второе: как я уже сказал, ты говоришь напряженно. Напряжение выдает страх совершить ошибку, стыд – неплохой способ заменить страх. И третье: мне понравилось видеть тебя голой, я не против повторить опыт.

Открывшей было рот мне просто сказали:

– Отныне только на энирейском.

Как сказать на энирейском «Да пошел ты!», я не знала, как послать, не нарываясь на ответный вызов... тоже не знала. Обнаружив тем самым нехилый пробел в моих языковых базах, нервно ответила:

– Крагэр хг вцгерн.

Что переводилось как «мне было бы неприятно, если бы ты позволил себе подобное».

– Хг-энц, – последовал ответ.

То есть «тебе будет неприятно» в утвердительной форме. Не в форме вопроса, не в форме предположения, а в такой наглой уверенной форме! Хотелось было сказать, что в таком случае я буду делать то же, что и он, причем я точно знала, как сказать это на энирейском, но у меня не было никакого желания видеть сахира голым. Вообще никакого.

В итоге начала есть. Молча! Во избежание!

– Хрц эна гаэта? – прозвучало невозмутимое.

«Как тебе погода сегодня?»

– Каэ-та – «нормально», – ответила я, почти не задумываясь.

И поняла, что это было ошибкой. Огромной, основательной ошибкой. Вопрос относился к так называемым «светским», и отвечать, соответственно, полагалось не одним словом, а целым высокопарным предложением.

– Нет, ну это же не совсем ошибка! – с отчаянной надеждой воскликнула я.

Блеск багровых зрачков, сверкнувший меч, наподобие нашего эенга, появившийся вообще ниоткуда в руке сахира, и два кусочка от рукава моего халата упали на пол. Я даже дернуться не успела!

«Маньяк!» – раздраженно подумала я, стиснув зубы.

Потом подняла мрачный взгляд на сахира. Тот предвкушающе улыбался, сменив меч на нож и с аппетитом обедая.

«Определенно маньяк!» – подумала уже с гораздо большей уверенностью.

Но за обедом ему больше не удалось подловить меня ни разу – соображала я все же быстро, а когда один раз ошиблась, сумела увернуться от удара.

Из кухни мы выходили как два заправских дуэлянта, один из которых явно развлекался, и даже не пытался скрыть это, второй просто хотел выжить... и желательно одетым.

Увы, едва мы занялись этикетом и сводом правил для дипломатической встречи, от моего халата остались лохмотья и пояс. Причем пояса было больше, чем лохмотьев.

– «Полагаю, мой внешний вид уже достаточно порадовал вас?» – ядовито поинтересовалась я, собственно, на энирейском.

– Ну что ты, – на гаэрском ответил сахир, – я лишь приступил к самому интересному.

Он сегодня даже не снизил температуру воздуха в номере. Мне интересно, эта забава планировалась с самого начала или как?!

* * *

К наступлению ночи я осталась без нижнего белья. Любовно выстиранного мной вчера и вообще любимого, между прочим!

И теперь стояла в ночнушке, обзаведшейся двумя разрезами до талии по бокам, сжимая остатки настольной лампы. Просто статуэтки уже пали далеко не мирной, но героической смертью. Лампу же я искренне желала запустить в сахира, довольно покручивающего на конце катаны остатки моего... белья

нижнего.

– А ты неплохо держишься, – неожиданно признал он.

– Эсха?! – раздраженно спросила я, что означало «Серьезно?!».

– Абсолютно, – ответил сахир и, уничтожив катану, подхватил мои трусики, сунул к себе в карман и ушел к выходу, бросив мне, не оборачиваясь: – В душ – и переодевайся. Одежду уже доставили.

Швырнула в него лампой.

Увернулся, как и от всего прочего. Тем обиднее было. Мне.

* * *

От ужина я отказалась. Сил уже ни на что не было. Так что в очередном спортивном костюме забралась в кровать и собиралась заснуть, тем более что сахир сказал, что на сегодня занятий достаточно.

Передумал!

Заявился ко мне часов в одиннадцать ночи, с подносом, на котором был его ужин, забрался на мою кровать, устроился поудобнее, посадил и сонную меня, заботливо подложив подушку под спину, и включил энирейские мультфильмы.

– Почитал тут характеристики кадетов S-класса, понял, что еще одну ночь ты вполне выдержишь, – пояснил он мне свои действия.

То неприятное чувство, когда искренне жалеешь о своем статусе.

– Мясо будешь? – поинтересовался он, приступив к ужину.

Неуверенно кивнула, еще до конца не проснувшись, и получила кусок непрожаренного стейка в приоткрытый от зевания рот.

– Хватит зевать, начинай жевать, – посоветовали мне.

– Ткрат мцхрген, – давясь сочащимся кровью куском, проговорила я, что означало «вы очень красноречивы».

– Знала бы ты, как я учил гаэрский, – усмехнулся он и попытался засунуть в меня еще мяса.

Уклонилась.

– Не нравится? – удивился мужчина.

«Дожарить бы», – с тоской подумала я.

– Нка эгърет – «по моему скромному мнению, мясо нуждается в дальнейшем приготовлении», – ответила сахиру.

Тот невозмутимо пожал плечами, демонстрируя, что ему и так нравится, и сунул мне тарелку с кашей, судя по размеру порции и салату с краю, изначально приготовленной для меня. А раньше нельзя было?

– Кстати, позволяя мужчине кормить себя, ты фактически позволяешь ему делать с собой все, что он пожелает. Так просто, к сведению. Но у нас даже жены обычно подобного не допускают. Только наэ.

– Наэ? – холодея, переспросила я.

– Наложницы, – любезно пояснил сахир. – Их кормят насильно. Впрочем, по поводу всего остального согласия тоже не спрашивают.

То есть не только многоженство процветает на Рейтане.

Хотелось было спросить, означает ли что-то тот факт, что он меня сейчас накормил собственноручно... но есть вопросы, которые иногда лучше просто не задавать.

– Я улетаю утром, – сообщил вдруг сахир.

И вопреки всему, что этот гад проделывал со мной, я почувствовала себя и растерянно, и испуганно, и просто грустно стало. И страшно, если совсем откровенно.

– Загрузил две программы в твой сейр, – продолжил он, – считываться они будут исключительно твоей сетчаткой глаз. Мой совет: не демонстрируй своих знаний сотрудникам до последнего – слишком опасно, да и глупо. Ну и так, к сведению – старика, который проверял твое произношение, убили... Видишь ли, он очень любил свою кошку, и «выходить из окна», не покормив ее, он бы не стал, а вскрытие показало, что кот был голоден.

Вскрытие?!

– Как каша? – невозмутимо поинтересовался сахир.

Наплевав на условия «игры», ответила на гаэрском:

– Мне очень жаль, что ты улетаешь.

– Мне тоже, – совершенно серьезно ответил он.

Помолчал, глядя на демонстрируемый проектором мультфильм, словно забыв про свой ужин, затем добавил:

– Я сделаю все возможное... и даже невозможное, и постараюсь находиться на Рейтане в момент вашего прибытия. Одежду для встречи с герхарнагерцом доставят утром, ее украсят розовым бантиком, чтобы ты точно не забыла, что надеть. Главные требования помнишь?

– Никакой косметики, закрытая одежда, капюшон на волосах, не смотреть в глаза.

– Умничка, – с заметной грустью похвалил он.

Даже не знала, что сказать, хотя хотелось сказать очень многое. Повернувшись, посмотрела на орлиный профиль мужчины с неизвестным мне именем и тихо сказала:

– Спасибо.

– Не за что. – Он резко повернул голову пугающим до сих пор слишком стремительным движением, улыбнулся мне и добавил: – Не справишься с миссией – возьму тебя в наложницы. И во всех позах оторвусь за все эти трое адовых суток.

После чего вернулся к ужину, оставив меня в догадках на счет того – это сейчас серьезно было или очередная шутка в энирейском стиле?

– Я надеюсь, это сейчас была шутка? – нервно поинтересовалась в итоге у ужинавшего с аппетитом сахира.

– Надейся, – милостиво разрешили мне.

И мы приступили к просмотру мультфильмов, под утро даже до фильма дошли, а с наступлением рассвета на часах сахира сработал будильник, и он, молча поднявшись, собрал тарелки на поднос и, скомандовав мне «Спать!», собрался уйти.

– Да я тоже пойду, уже дома отсыпаться буду, – поднявшись, ответила я.

– Ты не можешь, – улыбнулся сахир. – Твою одежду доставят через несколько часов, и доставят на этот адрес. Так что ложись спать и постарайся отдохнуть за два оставшихся дня. Не прощаюсь, думаю, ты уже знаешь почему.

Знала. На Рейтане это плохая примета.

Так что я просто сидела на постели, отслеживая его перемещения по номеру, быстрый завтрак, молниеносные сборы.

– Ложись спать, – приказал он, выходя из номера.

И уходя из моей в будущем крайне непростой жизни.

– Ложусь, – едва слышно ответила я.

Дверь закрылась.

Лифт приехал.

Лифт уехал.

Я осталась одна.

«Номер оплачен еще на семь дней вперед, ложись спать!» – неожиданно пришло на сейр.

«Ты вуайерист?» – спросила от удивления, причем удивление было по большей части потому, что номер идентифицировался как «любимый».

«Я в целом извращенец, – ответили мне. – Не ляжешь – вернусь и продемонстрирую».

Я улыбнулась. Думаю, где-то там, удаляясь от гостиницы, он улыбнулся тоже.

Я долго стояла под душем, потом заставила себя вернуться в постель и попытаться заснуть. С этим, несмотря на дикую усталость, были проблемы, на душе было тревожно. В конце концов поняла, насколько же неуютный этот номер.

И пустой.

* * *

Одежду доставили вовремя. Думала заказать доставку уже себе домой, но среди принесенных вещей обнаружился рюкзак. Дизайнерский, дорогой даже для меня с моей зарплатой и госфинансированием и недвусмысленно намекающий на необходимость конспирации. Несмотря на премиум-класс рюкзака, он оказался

предельно вместительным – влезло все, когда повиныкала вещи из упаковок. Длинный, оснащенный глубоким капюшоном и просторными рукавами плащ темно-бордового, почти черного цвета, как и обещал сахир, был перетянут розовой ленточкой, вот его я, не распаковывая, положила в самый низ рюкзака, остальное запихнула сверху.

Зайдя на кухню просто затем, чтобы кофе себе сделать, обнаружила в термостате готовый завтрак, кофе начал делаться сам – кофе-машина среагировала на мое вхождение, видимо, и кофе был, как я люблю – со взбитыми сливками и карамелью.

Минуты две стояла в дверях, привалившись плечом к косяку, потом прошла, съела весь завтрак, загрузила посуду роботу и ушла не оглядываясь.

На выходе обнаружила, что стоит режим абсолютной чистки, то есть, когда я выйду, приборы уничтожат все следы нашего присутствия, включая частицы, содержащие ДНК. Галактическим законом подобное было запрещено, но сахир, видимо, систему взломал. Что ж, я исправлять не стала, конспирация и все такое.

* * *

Когда вернулась домой и поднялась на свой этаж, обнаружила камеру слежения. Гилбен, в принципе, никогда особо камеры ставить не умел, так что не составило труда осознать, чья она. Камеру сломала из принципа и ушла к себе.

Минут через двадцать в дверь начали отчаянно звонить. Стучать смысла не было – у меня стояла звукоизоляция. Посмотрев в камеру, увидела, кто звонит, безразлично отключила звонок и ушла мыться, переодеваться, а затем по внутренней лестнице покинула дом. Насколько позволяли увидеть датчики, Гилбен продолжал звонить и стучать в дверь.

* * *

Добравшись до управления, сразу пошла к шефу.

Полиглот, едва я вошла, демонстративно заблокировал двери, отключил систему видеоконтроля и спросил:

– И как?

– В деле замешаны танаргские технологии и ощущается танаргский след, – с ходу сообщила я.

Шеф кивнул и уточнил:

– Ты как?

Пожав плечами, честно ответила:

– Устала, но каждая минута того стоила.

Пристальный взгляд полупрозрачных глаз мимолетно отразил тревогу. Внезапно поняла, о чем Полиглот подумал, и заверила:

– На это не было времени.

И шефу явно стало легче, а я вдруг поняла – переживал. И вообще наш начальник уже не молод, совсем не молод.

– Значит, Багор не подвел, – наконец произнес он. И уже спокойнее приказал: – Рассказывай.

Я рассказала все, от того момента, как меня практически подставили, до истории о том, что старик, который приходил в управление, был убит. Идею с подменой нормальных слов аморальными шеф заценил особенно – и если честно, страшно за него стало, ни к чему ему такие переживания в его-то возрасте.

– Танаргские технологии психологического программирования объяснили бы многое, – спустя долгое молчание произнес Полиглот. – К примеру, то, почему на допросах даже с применением силы Гилбен молчал.

То, что моего бывшего пытали, стало откровением. Неприятным откровением. Наши внутренние службы до подобного не опускаются, если только... не было личной просьбы Полиглота. Шеф мой вопросительный взгляд встретил спокойно, так же спокойно ответил:

– Если бы не ребенок, рожденный ребенок, он бы оттуда не вышел.

Жестко.

– Что будем делать? – внезапно спросил мой начальник.

Меня спросил. Давая мне выбор: участвовать в этом дальше или отказаться. Я точно знала – если попрошу, задание аннулируют, мне поручат другое. Но так же точно знала, что отказываться не буду.

– Играем дальше, – улыбнулась я, – и делаем вид, что верим всему, до последнего.

Полиглот задумчиво покивал, затем произнес:

– Ты оставишь Гилбена в команде?

Подумав, ответила:

– Если в деле замешан Танарг, гораздо безопаснее будет сохранить все в тайне. Вы видели Эрсанну, видели, что она делала, но явно ни вы, ни безопасники не определили, как и когда Гилбен мог ее запрограммировать.

– Все так, – с сожалением признал шеф. Затем добавил: – И сейчас получается, мы не знаем, кого из команды он также подверг влиянию. Я могу сказать тебе только одно – упорство и рвение, с которым ребята работают, слегка, но все же кажется мне несколько... чрезмерным. Знаешь, внешне ничего особенного, но здесь, – он ударил кулаком в грудь, – здесь беспокойно, понимаешь?

Понимаю. Кадетов S-класса учат в первую очередь доверять интуиции. Не технике, не идентификаторам, да даже не собственным глазам – интуиции. И учат основательно. На последнем курсе Университета Космических сил всех

кадетов с верхней планкой показателей сажают на «ментальную диету», как называют это мастера. Сначала на пять минут, потом на десять, затем постепенно увеличивая до часа, кадетов помещают в комнаты, лишённые света и звуков. Кто-то психологически не выдерживает и сходит с дистанции, остальные учатся доверять интуиции и противостоять собственным страхам. На выпускном экзамене в мертвой тишине проводишь десять часов, сдал – отлично, не сдал – повторная переэкзаменовка через час после окончания испытания.

– Замена всей команды перед самым вылетом? – предложила в итоге.

Полиглот задумчиво постучал пальцами по столу и внес свое предложение:

– Авария?

– Как вариант, – согласилась я.

– И будет обоснование медицинского вмешательства, – улыбнулся шеф. Помолчал и добавил: – Сделаю замену на сотрудников разведслужбы.

– Их могут не допустить на Рейтан, – неуверенно озвучила я, но в то же время вспомнила дипмиссию Танарга. И уверенно добавила: – Я подготовлю. Но никаких женщин.

– Да, с ними сложно, – согласился Полиглот. А затем резонно подметил: – Но если не будет ни одной женщины, это вызовет вопросы.

Вот тут согласиться вынуждена была уже я.

* * *

Через час я выходила из кабинета шефа, уже имея утвержденный список новых сотрудников дипмиссии, но еще не ожидая того, что в кабинете, выделенном команде, готовящейся к отправке на Рейтан, меня ждет скандал.

– Ну как, накувыркалась? – спросил, едва я вошла, Гилбен.

Остановилась на пороге, вопросительно посмотрела на него.

– Нет, я все понимаю, – произнес он, зачесывая рукой назад длинные, по плечи, пепельные волосы, – но мы тут работаем практически без отдыха, а ты, значит, расслабляешься с любовником. Неплохо, Лея, очень показательно характеризует твое отношение к работе.

Я видела, что некоторые из сотрудников невольно кивнули, некоторые усмехнулись, некоторые просто возмущенно на меня посмотрели. Я только одного не поняла – с чего бы?

– Гилбен, – проговорила его имя спокойно, хотя очень хотелось ударить... я даже эенг теперь постоянно носила с собой, – в отличие от всех вас, которые вернутся обратно по завершении задания, я покидаю Гаэру более чем на год. Три дня на прощание с любимым мужчиной? На мой взгляд и по мнению Полиглота, это не так уж и много. Ты считаешь иначе?

Он оторопело моргнул, откинулся на спинку кресла, сложив руки на груди, и явно хотел сказать что-то едкое, но... не посмел. Срыв тщательного проработанного плана он себе позволить не мог, настроить меня против себя еще больше, чем уже настроил, – так же. Но в его глазах я отчетливо видела предвкушение, более того, он захотел большего и предложил:

– Сходим позанимаемся?

То есть мы искренне желали услышать, как сильно и в каких позах я его жажду. Мразь!

– Нет, работай с командой, я потренируюсь со сканером, – ответила, проходя мимо него в свой отделенный от всех кабинет.

Через час шеф вызвал на срочные переговоры. Иллирийским в управлении владела только я, цивилизации подобного уровня вообще были моей специализацией, поэтому пришлось работать. Двенадцатичасовые переговоры, затем почти без перерыва работа над переводом религиозного свода Танны, и закончила я ее за три часа до полета.

Два часа потратила на то, чтобы поспать хоть немного, но меня разбудил звонок Гилбена:

– Я купил тебе деловое платье для встречи с герхарнагерцом.

– Оденусь в стандартную форму, – еще не совсем проснувшись, ответила я.

– Это Рейтан, Лея, у них женщины не ходят в брюках.

Урод! Какой же ты урод! На Рейтане брюки обязательны для женщин, покидающих дом своего мужчины. Точнее, там штаны, но факт остается фактом.

– Я лечу как полномочный представитель Гаэры, соответственно, на мне будет стандартная форма, – сказала я и отрубилась.

К сожалению, не отрубился он, пришлось заблокировать номер, а после я снова рухнула спать.

И проспала.

Проснулась от сработавшей сирены вторжения и села на постели, удивленно глядя на свой эенг, трансформировавшийся в катану и практически упершийся в шею стоящей рядом с моей кроватью девушки. Судя по тому, как спокойно она реагировала на клинок – передо мной был кадет S-класса.

– Капитан Сейли Эринс, S-класс, разведка, – представилась она.

– Лея Картнер, S-класс, языковая служба. – И, отключив эенг, рухнула обратно на кровать.

– Тяжелый день? – поинтересовалась Эринс.

– Тяжелый? Неверное определение, я бы скорее сказала – убийственный месяц.

Стройная светловолосая разведчица с небрежной косой и походкой дикой кошки, скептически скривившись, осмотрела меня и предложила:

– Сварить тебе кофе, Картнер?

– Давай, Эринс, – согласилась я.

И Сейли ушла на мою кухню. Я лежала еще секунду, затем сделала десяток подъемов корпуса, после вскочила с постели, подключаясь к сейру. На нем было двести сообщений от Гилбена и два от шефа. Открыла последние, естественно.

«Время».

«Лея!»

Это было пять минут назад. С какой скоростью капитан Эринс явилась сюда?

– Я живу пятью этажами выше, – сообщила мне из кухни Сейли. – Багор прислал приказ срочно проверить тебя.

– Яа-асно, – потерев лицо ладонями, ответила я и направилась в душ.

Ледяная вода, теплая, ледяная, теплая, ледяная... и я в норме.

Вышла стремительно, не досушив волосы, собрала их в хвост. Едва появилась из спальни, мне под нос сунули кофе. Обжигающе горячий, в чашке с крышкой, то есть пить его мне, как я полагаю, предлагалось в пути.

– Время видела? – лениво осведомилась Эринс.

Глянула на часы, чуть не взвыла – у нас вылет был через двадцать минут! А до космопорта полчаса лететь.

– Собраться успела?

Нет. Разве что походный рюкзак и рюкзак, подаренный сахиром, готовы.

– Дерсенг линиялый! – от всей души выругалась я.

– Собирайся, – отбирая у меня чашку, милостиво разрешила Эринс. – До космопорта на моем флайте полетим – успеем.

С сомнением посмотрела на нее.

– Проверено, – усмехнулась разведчица. – У тебя от пяти до десяти минут.

Я металась по квартире, стараясь захватить все, что может понадобится мне в течение года. И это было, к бракованному сканеру, безумно сложно. С работой времени не хватило ни на что, а мне лететь на год!

На сейр устроившейся на кухне Сейли пришло сообщение, и девушка мне крикнула:

– Все, авария есть.

Как была в спортивных обтягивающих брюках и спортивном бюстье подбежала к ней, Эринс молча протянула свой сейр – видео с места катастрофы было впечатляющим: разбросанные тела наших сотрудников, стоящий в полной оторопи Гилбен, пылающий групповой флайт, разлетевшиеся вещи одной из сотрудниц, чей чемодан сейчас ярко полыхал на газоне у дороги.

– Точно все выжили? – нервно сглотнув, спросила я.

– Обижаешь, – усмехнулась Эринс. – В нашей конторе максимальная погрешность пятнадцать процентов, естественно, все живы.

Выглядели эти все явно не очень. Внезапно Сейли увеличила изображение и показала Гилбена, который орал на киборга «Скорой помощи».

– Требуется, чтобы этих подлатали на месте гелликсом, – сказала Эринс.

Встретив мой непонимающий взгляд, объяснила:

– Чтение по губам, – улыбнулась мне и продолжила: – Но не выйдет, там практически у всех повреждения головы. Как ты понимаешь, такое гелликсом не лечат на месте, для начала требуются анализы, так что не подкопаешься.

Ну, это да, при любых травмах головы требуется осмотр сотрудниками Центра Мозга, так что правда не подкопаешься.

– Надеюсь, они не сильно пострадали, – все же высказала я, глядя на укладываемых киборгами людей.

– Не, половина «крови» просто краска. Я же говорю – наши работали.

На экране разъяренный Гилбен пинал ногой изломанный аварией флайт, между тем киборги «Скорой помощи» увозили пострадавших. Да, сработано было на совесть.

– Тебе помочь со сборами? – внезапно предложила Эринс.

Неуверенно кивнула.

Разведчица мягко поднялась и покинула мою квартиру. Вернулась менее чем через две минуты с пакетированным салатом, который вручила мне, и чемоданом явно странного происхождения, с которым направилась к моему шкафу. Белье, спортивная одежда, спортивная обувь были брошены в чемодан, после чего Сейли его закрыла, нажала несколько кнопок на сенсорной панели и вновь чемодан открыла – все запихнутое в него ранее было спрессовано до максимума.

– Хрупкие вещи и косметику прессовать не будем, – пообещала она.

– Я не беру косметику, – честно сообщила ей.

– Шутишь? – сильно удивилась разведчица. – Ты что?! Мы летим на сам Рейтан! Ты что, собираешься сидеть в своем посольстве безвылазно?

– На Рейтане женщины используют косметику исключительно дома, для мужа, – уведомила я.

– Да к дерсенгам декоративную косметику! – воскликнула Эринс. – Я про маскировочную. Ладно, сейчас принесу.

Пока она бегала к себе, я все же успела собрать все, что, по идее, могло потребоваться, в чемодан, изменив его размеры, втиснула туда же рюкзак от сахира, свой перекинула через плечо и застыла, когда Сейли вернулась с двумя рюкзаками – одним своим и вторым, таким же, для меня.

– Держи, – сказала она, передавая тяжеленную суменцию мне, – тут все – от медпрепаратов до маскировочных спецсредств.

– Вернусь – верну, – укладывая и этот рюкзак в чемодан, пообещала я.

– Расслабься, через год это уже будет устаревшее дерьмо, – улыбнулась Сейли. И, подхватив мой чемодан, направилась к выходу.

Я перекинула свой рюкзак через плечо, оглянулась на квартиру, забрала упаковку с салатом и кофе, поставила режим проветривания, выставила режим очистки воздуха от пыли и почему-то почувствовала, что не вернусь больше.

Не знаю почему.

Где-то в груди шевельнулась та самая интуиция, которую нам так старательно прививали.

– Ты идешь? – окликнула капитан Эринс, стоя уже в лифте.

«Позвони Полиглоту», – настоятельно посоветовал внутренний голос.

Но я вспомнила сахира, его слова о том, насколько важно для него вступление Рейтана в Галактический союз. И... закрыла двери в свою квартиру.

* * *

Через тридцать секунд мы с Эринс были уже на стоянке флайтов, я привычно пошла было к своему, но капитан, ухватив за руку, повела к самому убитому флайту на всей стоянке. Я где-то с год иногда, когда возвращалась еще в норму и была способна смотреть по сторонам, а не только под ноги, все удивлялась, как же можно было довести сверхскоростной ультрапремиум флайт до такого

состояния.

И десяти секунд не прошло, как я это выяснила.

– Капитан, – обливаясь кофе и даже не пытаясь начать есть салат – он бы все равно разлетелся по кабине, позвала я, – у тебя какая летная лицензия?

– Отличная, – крикнула мне Эринс, – но полицейским лучше не попадаться.

Полиция среагировала на нарушение скоростного режима примерно минуты через две, но уже через три они позорно отстали в гонке на выживание, а потом мы прибыли в космопорт. Не на пункт таможенного досмотра, нет, к чему вообще такие мелочи? Мы сразу возле корабля приземлились, вызвав ступор у загружавших его киборгов и контролировавшего их сотрудника космопорта.

– Эй ты, отгони на стоянку! – крикнула ему Эринс и улыбнулась.

Улыбнулась так, что мужчина, забыв обо всем, кинулся к флайту, получил ключи и умчался в объятия подросшей полиции, пока мы грузились на корабль. Мужика, кстати, арестовали и увезли в участок. Но на мой возмущенный взгляд разведчица вообще не отреагировала, зато ей пришлось отреагировать, когда на ее сейр пришел звонок.

– Детка, – послышался оттуда пробирающий до костей жуткий и на удивление женский голос, – тебя тут шеф... просят.

– Просьбы не слышу, Бетси, – нагло ответила разведчица, таща за собой мой чемодан.

– А ты вернись, услышишь, – ответила ей, кажется... секретарь разведуправления, просто я вроде слышала этот голос раньше. – Бандюга в ярости, – добавила Бетси. – И Полиглот звонил.

– А этому чего? – беззаботно поинтересовалась Эринс.

– Интересовался состоянием своего работника, которая несколько суток вообще не спала, запаханная по самую шею. Она там вообще как, живая до корабля

добралась?

– Да, со мной все в порядке, спасибо за беспокойство, Бетсалин, – вежливо ответила я.

– Рада вас слышать, капитан Картнер, – отозвалась она. И уже не мне: – Что Исинхаю передать?

– Как всегда – пусть мужика, которого в моем флайте схватили, из полиции вытащит, и да, флайт таки припаркуйте на стоянке, мне на нем еще домой добираться.

– Ясно, – сказала Бетси и отключилась.

Эринс же весело подмигнула мне и... мгновенно изменилась. Крутая разведчица исчезла напрочь, вместо нее шла, с натугой пытаюсь тянуть мой чемодан, скромная сотрудница... судя по бейджику, нашего управления. И я не совсем поняла, с чего такие перемены, но тут заметила догоняющего нас нервного Гилбена.

– Лея, ты проспала! – начал он возмущенно.

И тут Сейли обернулась к нему, пушистые ресницы затрепетали, как крылья бабочки, и... Гилбен поплыл. Он просто-таки поплыл к нам, перехватил мой чемодан и медовым голосом произнес:

– Позвольте мне вам помочь, – взгляд на бейджик, – Маргарет.

То чувство, когда вдруг понимаешь, насколько ты не женщина.

И пока Гилбен тащил мой чемодан, который, в отличие от капитана Эринс, был для него явно тяжелым, милая Маргарет Мерсон лепетала искренне и правдиво о том, как ее срочно вызвали сегодня, а она даже практику не успела закончить и еще полностью не получила документы Языкового управления, и как она потрясена всем этим и тем, что летим на сам Рейтан! И как ей страшно и непременно нужно будет позвонить маме. И да, при всем при этом капитан Эринс выглядела как девчонка лет восемнадцати, не больше.

Под конец, когда мы уже практически дошли до кают, Сейли в очередной раз похлопала ресничками и мило спросила:

– А вы научите меня энирейскому?

– Конечно! – азартно заверил Гилбен.

Кажется, он был влюблен. Кажется – по уши. Судя по тому, что вообще перестал меня замечать, еще и основательно. Вот только капитану Эринс явно не восемнадцать, в восемнадцать задания подобного уровня не дают, и... наивный идиот здесь Гилбен, и играть тоже им будут как марионеткой. Начинаю понимать, почему Исинхай выделил нам именно этого сотрудника.

– Лея, а можно я с тобой в одной каюте останусь? – вдруг взмолилась, кукольно надув губки, Сейли.

Ясно, ее я буду учить ночью, остальную часть команды – днем, пока разведчица будет отвлекать Гилбена. Логичная схема.

– Конечно, – вежливо улыбнулась я.

И Маргарет Мерсон, продолжая глупо хихикать над шутками Гилбена про совместное женское проживание, вселилась в мой номер. Я же с салатом и полуразлитым кофе утопала в капитанскую рубку – знакомиться с командой.

* * *

Команда оказалась... впечатляющая.

– Привет, – обернулся через плечо, как только я вошла, огромный плечистый квадратный мужик, – я – Гэс.

Невольно сглотнула. На фоне Гэса все остальные казались настолько мелкими и незначительными, что двухметрового капитана Нарена, хорошо знакомого мне, я разглядела не сразу. Кэп весело отсалютовал. Его первый пилот Дем так же. С ним мы тоже были знакомы. Они наши постоянные пилоты.

Но их задача была управлять крейсером, а вот мои сотрудники где?

– Гэс... – начала было я.

Мужик огромным пальцем выразительно указал на бейджик.

– Гассан, – прочла я, кивнула, принимая правила игры, и продолжила: – Нас по протоколу восемь человек должно быть.

Тот кивнул мне, отдал какие-то распоряжения мгновенно переставшему улыбаться капитану и, оттолкнувшись от стены, направился ко мне, сотрясая корабль каждым своим шагом.

– Сучонок передал танаргцам сообщение об аварии. Дерсенг его ведает как. Но нам попытаются перекрыть кислород. Так что управлять кораблем будет Эринс.

Можно меня в анабиоз на время полета?

– Пошли, – скомандовал он мне. – Кофе поддержать?

Это было очень любезно с его стороны, так что я успела поесть, пока мы шли, а потом и запить салат, пока мой помощник держал уже пустой контейнер. Выбросил он его, едва мы вошли в кают-компанию, и мне навстречу мгновенно поднялись четверо. Абсолютно серые неприметные лица, блеклый цвет волос, худощавое жилистое телосложение, быстрые движения. Это были уже мужики не из разведуправления... это были так называемые ассы, в просторечье – ассасины. Убийцы, проще говоря. Могла ли я ожидать чего-нибудь иного после того, как рассказала шефу о казни дипломатов правителем Рейтана? Вряд ли. Гаэра бережет своих сотрудников S-класса. Проблема в том, что мне вооруженный конфликт был не нужен вовсе.

– Наша задача – вернуть вас на родину живой и невредимой, – непримечательным, каким-то бесцветным голосом произнес один из мужчин.

Даже не поняла толком какой.

И мне, наверное, следовало бы порадоваться, но... взгляд энирейца, его рассказ о детях, надежды на вхождение Рейтана в Галактический союз...

– Вам придется играть роль канцелярских крыс, – наконец выговорила я, – иначе нас просто не пустят на Рейтан.

Хотя танаргцев же как-то пустили... Еще бы понять как. Но в остальном – никаких воинов, это я видела точно.

– Задача ясна, – отозвался ближайший из ассасинов.

О, уже даже отличила какой.

И мужики молча и синхронно, как один, сняли свои черные, без опознавательных знаков мундиры, вывернули их наизнанку и надели на себя уже пиджаки. Серых и бежевых оттенков, с бейджиками. Потом я проследила, как меняется цвет волос, становясь у кого темным, у кого рыжеватым, следом трансформацию пережили глаза, ресницы, черты лица – впервые видела, чтобы нос так быстро вырос. И от похожести ассов не осталось ничего! Вообще. Даже движения стали обычными, как у большинства наших сотрудников, которые свободное время проводят за книгами, а не в тренировочных залах.

– Кстати, – пробасил за моей спиной Гэс, – твоя форма, капитан, оставляет желать лучшего. Займусь лично.

– Как по мне, формы отличные, – изменившимся, пришепетывающим голосом заметил шатен с серыми глазами, – даже слишком.

Как? Вот как они это делают? Только что передо мной было четыре киборга... теперь мужики, стандартные, я бы даже сказала, мне достаточно и удара, чтобы убить любого из них. Иногда наши спецслужбы пугают даже меня.

– Взлетаем! – раздался голос капитана Нарена.

«Пристегнись», – пришло на сейр от капитана Эринс.

Я пошла, села и пристегнулась, рядом со мной то же самое сделал Гэс... то есть Гассан, остальные тоже порассаживались по диванам, старательно пристегиваясь. В этот момент вошел Гилбен и грустно сообщил, что с Маргарет позанимается позже, она пошла спать, потому что боится летать. Она? Боится?! Да-да, тот случай!

И да – он не успел пристегнуться до взлета, искренне веря, что за штурвалом капитан Нарен.

Наивный.

Взлетели мы так, что Гилбена унесло куда-то в сторону пищевого блока и, судя по звукам, било там обо все возможные углы, а углов там хватало. Более чем. Мне же в этот момент было безумно интересно – кто ей выдал летную лицензию?!

Нет, серьезно, кто?

Я понимаю, что разведчик и все такое, но кто? Не покидало стойкое ощущение, что лицензия была подделкой, и, когда перегрузки начали зашкаливать, я в своих подозрениях только утвердилась, а где-то в недрах пищевого блока надрывно застонал Гилбен... Он еще не знал, что это только начало. Потому что все стало на порядок хуже, когда на сейр Гэса пришло сообщение от Сейли:

«Засада впереди. Что делаем?»

«Летим, у тебя, я смотрю, неплохо получается», – хмыкнув, отписался ей Гэс.

«Лея держится?» – последовал вопрос.

«Да, она молодцом», – ответил Гэс.

И я сильно пожалела о том, что молодцом и все такое, потому что Сейли перешла на предельную скорость. Полагаю, сидевшие в засаде танаргцы испытали примерно то же самое, что и полиция не так давно. В смысле, позорно отстали, но где-то через час. То ли их довела скорость, на которой наш скромный дипломатический крейсер их уделал, то ли они были поражены

способом летания, который Гэс назвал «плавный полет летучей мыши». Это был сарказм, да. Летучие мыши плавно не летают, наша так и вовсе хаотично дергалась из стороны в сторону. Первый суперскоростной танаргский Х-джет немного не вписался в астероид, второй на всем ходу влетел в другой.

Наша дипломатическая «летучая мышка» продолжила свой «плавный, мать его», полет.

Я успела многократно и искренне пожалеть, что вообще позавтракала, и сильно подозревала, что мое лицо сейчас примерно того же цвета, что и съеденный салат, поэтому больше всех обрадовалась сияющей улыбкой Сейли, которая появилась на пороге кают-компания, обвела нас всех победным взглядом и внимательно посмотрела на получившего многократные повреждения Гилбена. И улыбка у нее стала при этом такая... выразительная, я думаю, любая акула удавилась бы от зависти.

– Нарена под суд, – прохрипел сильно контуженный полетом Гилбен, – под суд, собаку!

И потерял сознание. Судя по взглядам, которым обменялись Сейли и Гэс, это была полностью спланированная акция по выведению врага из строя на срок всего полета. Кажется, я начинала чувствовать себя практически в безопасности.

Оставались сущие пустяки – обучить неспециалистов энирейскому языку...

* * *

– Никаких подарков, – повторяла я, приоткрыв двери в душ, потому что днем я занималась разведгруппой, а вечер полностью посвящала обучению капитана Эринс.

– Слушай, Картнер, это и так ясно, – отозвалась она, занимающаяся тем, что старательно отжималась от пола... и это был тысячный уже раз или около того.

– Ты не поняла. Вообще ничего, Эринс, – подставляя лицо воде, пояснила я. – Ни-че-го. В нашей культуре приняты цветы, у нас они ни к чему не обязывают, на

Рейтане все не так, любой подарок – передача себя в аренду в основном на пожизненный срок.

Сейли прекратила отжиматься, села на полу, облокотившись о колени, и поинтересовалась:

– Откуда столь подробная информация?

– Не уверена, что имею право отвечать на заданный вопрос, – прикрывая дверь чуть сильнее, ответила я.

– Ладно, а из наших кто в курсе?

– Багор.

– Значит, ситуация под контролем, – мгновенно решила Эринс и принялась качать пресс.

Абсолютная вера в свое руководство, пусть и бывшее, меня в ней поражала. С другой стороны – насколько я доверяла Полиглоту? Абсолютно. Так что между нами с Сейли было гораздо больше общего, чем казалось на первый взгляд.

– Перчатки упаковала?

Я отдала ей половину своих.

– Да, босс, – хмыкнула она, продолжая качать мышцы живота.

И вдруг села, посмотрела на меня, вышедшую из душа и на ходу вытирающую волосы, и сказала:

– Картнер, а давай мы из тебя женщину сделаем.

– Спасибо, мне и так хорошо, – заверила я.

Но нагловатый прищур синих глаз стал еще наглее.

– Ну давай... – протянула она, перекатывая на языке мятную конфету.

Они все на них сидели – энирейский язык не из простых, моих навыков и специализации у них не было, операции Гилбена – тоже, так что к концу восемнадцатичасового занятия хрипели все, хорошо хоть Гэс заживляющими пастилками запасся, теперь вот спасал всех.

– Ты решилась на жестокую месть? – поинтересовалась я, намекая на жесткий режим обучения, который ввела у них.

– Ты, конечно, сурова, – улыбнулась Эринс, – но дело не в этом. Дело в Гилбене. Тебе ведь больно.

Я бы так не сказала. Мне больно вообще не было, тяжело – да, обучать неспециалистов специфическому языку и не менее специфическому этикету то еще дело, но ребята и Эринс молодцы, справлялись и не жаловались, хотя ассы пару раз смотрели на меня так, что без слов становилось ясно – в темных уголках крейсера мне бы с ними лучше не встречаться. Если кому больно и было, то это Гилбену, но «Маргарет» ежедневно его навещала, контролируя отнюдь не степень выздоровления, потому что медицинскую систему Сейли давно взломала и, нарушая все заветы медицины, держала нашего больного и поврежденного в основном на снотворном. Причем не самом полезном для здоровья снотворном.

– Давай, – явно подначивая, надавила она, – поверь, это не сложнее, чем обучиться твоему языколомательному энирейскому, а прок от этого всегда есть – я не раз выживала исключительно благодаря навыкам обольщения. Давай, говорю, лишних знаний не бывает.

Этим она меня и подкупила.

Спустя десять минут мы сидели перед экраном, который Эринс трансформировала в горизонтально лежащее зеркало, в спортивных коротких шортах, таких же спортивных топах и почему-то мастерках сверху, причем обе были большего размера, чем нам требовалось, и, похоже, разведчица утащила обе у Гэса.

– Правило первое – полная беззащитность, – произнесла Эринс, серьезно глядя в зеркало на мое отражение.

– Ты шутишь? – поинтересовалась на всякий случай.

– Вообще нет, – усмехнулась Сейли, – мы работаем на инстинктах. А инстинкты говорят мужчине, что нет ничего прекраснее чувства полного обладания женщиной. Именно поэтому правило первое: заставь его поверить в то, что в конкретный нужный момент ты полностью и безоговорочно принадлежишь ему. Беззащитность, Картнер, – потрясающий прием. Главные атрибуты – большие широко распахнутые глаза, слегка приоткрытые влажные губы, потерянный испуганный взгляд, ускоренное, как от испуга, дыхание, голос с придыханием. Наблюдай.

И в одно мгновение рядом со мной сидела уже не самоуверенная в себе разведчица, а перепуганная, абсолютно беззащитная девушка, помочь которой было первым моим порывом.

– Так, гади материнские инстинкты! – прорычала Сейли. – И повторяй уже, поверь, это непросто, но возможно.

– Это не только непросто – это нелепо, – честно сказала я. – Спец S-класса и беззащитность как-то не вяжутся, согласись.

– Серьезно? – издевательски посмотрела на меня Эринс. – Картнер, хочешь сказать, ты никогда не встречала того, кто был способен расправиться с тобой за пару секунд? Так я Гэса позову или одного из ассов, чтобы, так сказать, усилить твоё рвение к учебе.

Но я не о них подумала, я вспомнила нашу схватку с сахиром и мрачно выдавила из себя:

– Поняла. Работаем.

Работали долго – преобразиться за долю секунды, как Эринс, я была не способна, но пять часов непрерывной работы и осознание, что на сон осталось всего два, делали меня очень беззащитной, да.

– Дерсенг, ты деревянная, – под конец простонала разведчица. – Картнер, запомни на будущее: привлекательная женщина – это игривая женщина. Та, которая играет эмоциями, ситуациями, чувствами, с чувствами. Играй, жизнь у нас всего одна, и не все из нас доживают до старости, если уж говорить откровенно. Давай спать, утром на натуре потренируемся.

– Что значит на натуре? – не поняла я.

– Это значит – на мужиках, – жестко сказала Сейли. – Утром часовая стоянка в камерском порту, в стриптиз сходим.

– Какой?

– К моему искреннему сожалению – женский, – очаровательно улыбнулась Эринс и уползла спать.

Да я тоже встала не с первой попытки – ноги затекли.

* * *

Но на следующий день в камерском космопорту мы не сошли – Гэса предупредили, что там стоят два танаргских крейсера с неизвестными намерениями, так что мы решили не рисковать. Капитан просто вызвал танкер с топливом для дозаправки. Пока я, подключившись к местной сети, проверяла служебную почту, Эринс с упоением взламывала систему безопасности полулегальной планеты, Гэс с ассами разбирались, как и каким образом нас могли отследить. Оказалось, никак – просто Х-джеты распределились по космопортам, в которых мы с наибольшей вероятностью могли появиться.

И вдруг как гром среди ясного неба на моем сейре высветился входящий от «любимого». Вздогнула, почему-то глянула на Эринс, но та в данный момент была увлечена прослушиванием ругани местных спецов связи, пытавшихся определить источник взлома, и ей явно было не до меня.

Я же, ощутив, как сжалось что-то внутри, открыла сообщение и прочла:

«Камерский космопорт?»

Нервно ответила:

«Да».

«Корабль не покидать!»

Мы и не собирались, но все же было непонятно, с чего такой тон, если так можно выразиться о переписке.

«Не покидаем и даже не приближаемся к космопорту», – ответила сахиру.

«Отлично, тогда я начинаю», – пришло странное сообщение.

И тут от сейра Эринс раздался оглушительный грохот взрыва. Еще один. И еще. И следующий. Потрясенная Сейли глянула на меня, заправила светлую прядь волос за ухо и переключилась на внешние камеры корабля.

Камерский космопорт был уничтожен процентов на семьдесят. От него в данный момент стремительно удалялись корабли, сам он горел, что-то продолжало взрываться, в великий бесконечный космос летели обломки космических судов, зданий, некогда живых существ...

– Пронесло-то нас как, – раздалось по внутренней связи от Гэса.

Нас бы пронесло в любом случае... вот только я вряд ли кому-то это скажу.

А с другой стороны, имею ли я право молчать?

– Эринс, у тебя есть координаты Багора? – тихо спросила я.

Потому что Исинхаю не доверяю ни я... ни половина иных спецслужб.

– Бесполезно, – ответила девушка, наморщив нос. – Уничтожены были именно каналы связи. Кто-то явно замел следы, причем масштабненько очень. Хотелось бы знать кто, но у нас дипмиссия. Гэс не даст мне и суток на разработку дела.

* * *

Мы стартовали почти сразу после взрыва, капитан у нас был опытный, так что смотались быстрее, чем удалось хоть что-то еще увидеть.

Потом пришло сообщение от Гэса:

«Раз прогулка отменяется, возвращаемся к занятиям».

Эринс взвыла, даже не скрываясь, и умчалась в душ первая.

* * *

Полет продолжался двадцать четвертый день, мы сделали крюк и заодно оставили два дополнительных дня для занятий. Что удалось – этикет Рейтана всем дался легко и практически с первого раза, уже на второй выполняли безукоризненно как поклоны, так и жесты.

Что не удалось – язык. Язык и еще раз язык. Оба разведчика были способны воспроизвести крик гартуга в ночи, как призывно-сексуальный, так и агрессивно-территорию обозначающий, но не энирейские слова. Ассы так, в принципе, привыкли молчать. Молчаливыми убийцами их называли не зря, что-то, а молчать они умели. А вот говорить как-то не очень. И дерсенг бы с ним, с произношением, они не могли понять саму специфику языка. Энирейский был сложен – сложен даже для меня, обладающей сверхспособностями к изучению языков, а для них он становился хаотично растекающейся плазмой, не иначе. Галактический язык, за основу которого был взят гаэрский, являлся базисным – предложения строились по четкой структуре, энирейский – флективным, слова в нем ставились как угодно, при этом меняя или не меняя значение предложения. Исключений было столько, что я так и не сумела создать правила. В итоге мы заучивали фразами, четко фразами. Потому что, ко всему прочему, в энирейском была дерсенгова куча омофонов – то есть одно слово в зависимости от тональности, с которой было произнесено, имело до сорока значений!

– Знаешь, – сказал как-то Гэс после очередных восемнадцатичасовых занятий, – мне уже заранее не нравится и этот мир, и его... население.

И, забросив в рот очередной леденец, принялся с остервенением его жевать вместо сосания. Хруст стоял такой, что за его зубы становилось страшно.

– Тебе все всегда не нравится, ты пессимист, – заявила Эринс, поднимаясь и потягиваясь, разминая затекшие мышцы. – В твоём доме, Гэс, даже кот куда как более оптимистично настроен.

– Урод рыжий! – внезапно с мгновенно вспыхнувшей злостью выплюнул разведчик.

– Царский золотой, редкая порода, – откровенно подхихкивая, высказалась Сейли.

А я вспомнила, что пару раз в лифте сталкивалась с котом, которого чинно удерживали на неизменно алой подушке с золотой окантовкой парни крайне представительного вида.

– Если ты про кота с мужиками – то да, мой, – мрачно сообщил Гэс.

Я, выключая аппаратуру и стирая сегодняшние записи, воспользовалась тем, что ассы ускользнули, причем бесшумно и безмолвно, как и всегда, а Эринс ушла проверять нашего «калеку, если не сейчас, то в будущем точно», и спросила у еще не успевшего выйти Гэса:

– А почему ты сказал, что тебе население Рейтана уже не нравится?

Разведчик обернулся на выходе, посмотрел на меня, потом закрыл дверь, прошел, сел на диван перед проектором, с которого я сейчас стирала всю информацию, тяжело вздохнул и произнес:

– Картнер, понимаешь... язык очень многое может сказать о народе, точнее, даже о менталитете, характере народа. Если язык четкий, понятный – народ такой же. Посмотри на гаэрцев – в приоритете открытые, искренние, всегда готовые помочь люди. Язык степняков Кхарха – прямой, как стрела, люди такие же – никаких двусмысленностей, никаких экивоков, все четко, одно из моих любимых мест в исследованном космосе. А то, чему ты сейчас нас учишь... Смотри сама, Картнер, у языка не то что двуличность – многоликость, не одно

значение – по сорок на слово. Можно сказать одну и ту же фразу, чуть-чуть изменив тональность голоса, а смысл меняется так, что за одно такое выражение можно не стесняясь в морду дать. Понимаешь, у них язык – это орудие. Они им и орудуют, причем виртуозно и оттачивая навык до такой степени, что сама видишь – язык постепенно стал невероятно сложен. Настолько, что проще развернуться и свалить, чем выучить. Да и стоит ли? Если у этих язык такой, то можно представить, насколько сами они... фальшивые насквозь, сукины дети. Извини, самое приличное, что смог подобрать. Мы им нужны? В Галактический союз хотят? Что-то я уже сомневаюсь, Картнер. Не нравятся мне они. И да, уже четко установленный факт – они ведут переговоры с танаргцами... и вместе с тем хотят союза с нами. Странно, не находишь?

Находила.

– И еще, – продолжил Гэс, – все, что они говорят и делают, может иметь двойной, тройной, многослойный смысл, понимаешь?

Я вспомнила сахира, занимающегося со мной, все слова и намеки и... кивнула. Понимала, пожалуй, как никто. «Скушай, деточка, кусочек? Съела? Ну по правилам моего мира ты теперь моя наложница»... Да, странностей у этого народа хватало, как и у этого мира.

– И еще, – продолжил Гэс, – Багор четко дал знать – о нашем мире им известно все. Зачем и к чему – неизвестно, но их человека мы, в принципе, засекли лет через пятнадцать после того, как он уже знал о нас всё. А для спецов нашего уровня такой срок... сама понимаешь.

Я нервно сглотнула.

– Посмотрим, – поднимаясь, сказал Гэс, – наше дело посмотреть и принять решение, в любом случае ассы вытащат, на что способна Эринс за штурвалом, ты уже видела. Выберемся.

Рассеянно кивнула, попутно скользнув взглядом по своему плану занятий... Самое страшное ждало группу только завтра – мы собирались взяться за письменность. А письменность энирейцев – это отдельная песня. Буквы в словах имели пять разных написаний. Пять. Как пять октав.

Наверное, завтра ассы все же прирежут меня, причем молча.

* * *

За ужином все были мрачными, есть один и тот же паек каждый день всем надоело уже на второй день, но мы все тут спецы S-класса, так что ели молча, скрипя минералами на зубах. Все, кроме первого пилота, который смотрел на нас, как на идиотов, и с удовольствием ел свой стейк с соусами и салатом, похрустывая свежесвепеченной для него пиццейком булкой.

Внезапно поняла, что первой ассы прирежут не меня, первым будет он! А учитывая специализацию этих ребят, прирезать они могут и булкой.

– Кстати, мужики, нам тестовый образец нужен, – лениво растягивая слова, протянула Сейли.

– На тему? – мрачно спросил один из убийц.

– На тему спортивного обольщения, – мило улыбнулась разведчица.

– Пас, – сразу сказал Гэс, – мне до жены еще хрен знает сколько времени добираться.

– Аналогично, – разом сказали ассы.

– Присоединяюсь к акции мужской солидарности, – собственно, присоединился кэп.

– Так, тестостерон отставить! – возмутилась Эринс. – Я сказала, нам тестовый образец нужен, значит...

Через долю секунды в кают-компании никого больше не было. Все-таки спецы S-класса, так что им хватило этой самой доли секунды, чтобы оставить нас с Эринс одних, причем стол убирать, видимо, тоже придется нам самим – эти посуду тут же на месте бросили.

И тут раздался робкий хруст булки...

– Слушай, – глядя на меня, спокойно сказала разведчица, – в конце концов, надо же ему отомстить за все его смачные приемы вкусной пищи на наших голодных от спецпайка глазах.

– Мне-то за что? – попытался возмутиться первый пилот.

– Прирежу булкой, – не глядя на него, мрачно предупредила Эринс.

У парня не было шансов отказаться – ему их просто никто не дал.

* * *

Тренироваться мы ушли в нашу с Эринс каюту, потому что эти гады свалить-то свалили, но камеры в кают-компании понаоставляли, любопытство оно такое, особенно мужское. Поэтому, когда мы закрылись в нашей каюте, началась планомерная атака на систему внутреннего контроля с целью взломать камеры собственно у нас. Сейли заблокировала одну, вторую, третью... На четвертой плюнула, вышла в коридор и рявкнула:

– Еще раз, еще только один раз, и я вам на завтрак, обед и ужин ваши помывки в душе в 3D демонстрировать буду!

– А почему в таком старом формате? – возмутился кто-то из ассов. – На дворе расцвет цивилизации, 6D давно доступны.

– Потому что мне мои уши жалко, а петь ни один из вас вообще не умеет!

Где-то дальше по коридору разом захлопнулись двери. Все шесть штук.

Я же вдруг подумала: а откуда Эринс вообще знает, как они в душе поют...

– Ссс... – раздалось вдали от кого-то, до кого тоже явно этот факт дошел, ну а недовысказался он потому, что, собственно, осознал факт, кому собирается все высказать.

– Ой, давай не будем, там вообще смотреть не на что было! – заявила Сейли и гордо закрыла дверь.

И развернулась к двум слегка смущенным людям. В смысле, я была слегка смущена, а первый пилот сидел совсем пунцовый.

– А вот у тебя как раз все приличненько, – подсластила ему пилюлю Эринс.

Мужик воспрянул духом. В смысле, молодой мужик, совсем зеленый, лет двадцать пять ему, года два как из летного училища, необтесанный еще, с нашими сталкивающийся мало, в итоге...

– Не настолько приличненько, чтобы так на меня смотреть! – отрезала разведчица.

Парень сник.

Ну и вот этого вот окончательно поникшего духом мне предстояло... соблазнить.

– Время пошло, – жестко произнесла Эринс, демонстративно включив секундомер.

Я, сидевшая в спецовке на диване, в который на условно «дневное» время суток трансформировала кровать, оторопев, посмотрела на нее, наткнулась на выразительный взгляд, который недвусмысленно давал понять, что время таки пошло, мельком глянула на себя в зеркало – собранные в пучок темные волосы растрепались, лицо уставшее, под карими глазами залегли тени, нос заострился от спецпайка, который был заточен исключительно под мозг и мускулатуру, толстовка Гэса, которую Эринс утащила у него еще в первый день, на мне висит, в общем...

– Десять секунд, – ледяным тоном произнесла разведчица.

И я мгновенно перевела взгляд на первого пилота. «Мужчины теряют голову от тех женщин, которые способны создать в их воображении целый мир, где богом будет этот конкретный мужчина».

И я фиксирую свой мир на этом разволновавшемся парне. Весь мой мир. Огромный, пугающий, жуткий, в котором единственный самый сильный – вот он, конкретно он. Секунда, вторая... Я беззащитна настолько, что сейчас сама разревусь от жалости к себе.

– К-капитан Картнер, с в-в-вами все в порядке? – подскакивает с места пилот.

Он резко подходит, и я мгновенно хватаю его за руку. Мне страшно. Я та девушка в беде, которую нужно спасти и защищать прямо сейчас.

– Капитан Эринс, – парень, внезапно как-то ставший выше и больше, резко развернулся к разведчице, – я не знаю, что здесь происходит, но требую немедленно это остановить, иначе я подам рапорт на вас вашему же руководству!

Сейли чуть не расхохоталась, демонстрируя все свое отношение к своему же руководству, и уже мне сказала с заметным уважением:

– Двадцать пять секунд, у тебя талант.

У меня отвращение к самой себе и чувство глубочайшей вины перед первым пилотом, который застыл, не понимая, что вообще только что было.

– Идемте, – все так же продолжая держать его за руку, более того, опираясь на нее, сказала я, – я провожу вас до рубки управления.

– В-вы... меня? – растерянno промямлил он.

– Вы против? – мягко спросила.

– Нет! Но вы... – Он явно смутился, кажется, первый раз обратив внимание на то, что я ниже его ростом, и вообще он тут не просто пилот, но еще и мужчина, а я его даже младше.

– Я... – начал было он, вглядываясь в мое лицо, – я буду благодарен, если вы проводите меня до двери, дальше я сам.

– Конечно, – улыбнулась ему.

Когда дверь за ним закрылась, Эринс, укоризненно посмотрев на меня, неодобрительно покачала головой и мрачно выдала:

– Откуда в тебе столько жалости, Картнер?

– Слушай, справилась, и достаточно, – огрызнулась я.

Не то чтобы я злилась, меня просто сильно поразило то, что сейчас произошло. Гилбен часто и во время наших отношений говорил, что я чересчур сильная и независимая, что он себя рядом со мной мужчиной не чувствует... я не понимала. Для меня то, что я сильнее, было фактом, не подлежащим ни сомнениям, ни обсуждениям. Это как то, что небо на Гаэре голубое. Смысл возмущаться тем, что оно, к примеру, не фиолетовое? А выходит, что нет, для мужчин смысл есть...

– Ка-артнер, – протянула, привлекая внимание, Сейли.

А едва я на нее посмотрела, жестко и резко высказала:

– Ты – женщина. В девяноста девяти случаях из ста это скорее минус, чем плюс в нашей профессии. Но есть тот один-единственный процент, который может спасти твою жизнь в экстремальных условиях. И активация этого шанса фактически занимает у тебя даже не двадцать пять – тут я немного преувеличила, – а пятнадцать секунд. Пятнадцать секунд, которые тупо могут спасти твою жизнь. Так что прекратила упиваться жалостью к себе и окружающим, села, и работаем.

Села, делать нечего. В смысле, было чего, много чего еще было, но Сейли права: возразить нечем. И мы продолжили – изгиб позвоночника, такой, при котором нижняя часть... пусть будет спины, приобретает выпуклость и округлость. И вроде мелочь, на мой взгляд, так вообще хрень полная, но... одно вот это движение – и в сильнейшее возбуждение приходят сразу свыше десяти отделов головного мозга мужчины, и в кровь выбрасывается количество гормонов, достаточное для нарушения нормальной деятельности мужской нервной системы.

Эринс была прекрасным преподавателем – малейшее сомнение у меня, и мгновенно пара научных статей и исследований от нее. Работало.

Высокий голос с легким придыханием. Это прошло быстро, у меня, в силу специфики работы, в плане владения голосом все было шикарно... немного неприятно было узнать, почему это так привлекает мужчин. Высокий голос бывает у молоденьких девушек, как оказалось, молодость привлекает мужчин на инстинктивном уровне – в смысле, если моложе, детей больше родит и все такое.

– Слушай, как-то аморально все это, – высказала я, едва закрепили и этот этап.

– В спортивном обольщении нет ничего аморального, есть только скорость и результат, – жестко ответила она, и мы перешли к следующему этапу.

Улыбку отрабатывали долго. Даже не одну – арсенал целый. Разную для разных ситуаций.

– Мужчины сходят с ума от игривых женщин, – эту истину Эринс вбивала в меня в десятый раз уже.

– Игра – это притворство и фальшь, – высказала свое личное восприятие вышесказанного я.

– Вся наша жизнь – это игра, и мы играем, – настаивала она. – Играем с родителями в дочки-матери, с учителями – в школу, с руководителями – в послушание, с официантами в ресторане в умного и хорошего клиента, с парнем, который нравится, – в любимую девушку, с которым не нравится – в недоступную девушку. Мы играем, хотим мы того или нет, и тут есть два пути: делать дальше вид, что не замечаешь этого, и вообще игнорировать или играть по своим правилам. А играть по своим правилам – это потрясающе, уж поверь мне.

Я пыталась, искренне и с упорством, возвращенным во мне системой обучения и подготовки. Правда, пыталась, но образ капризной девочки, сексуальной тигрицы и нимфетки, которая всегда хочет, – это было не мое, определено. Смысл капризничать, если можно самой сделать все, что нужно, смысл соблазнять – в конце концов, если мужчина не хочет, это его личные проблемы. Сейли зверела и тыкала мне в нос сейром с очередными исследованиями. Все,

что я в итоге уяснила для себя: любовь в женском варианте – это цветы, небо голубое, построение глазок, поцелуи и обнимашки, в мужском – грубее, проще, примитивнее и упирается в «куда».

– Слушай, я не понимаю, как этот твой Гилбен тебя вообще на секс раскрутил? – наконец взорвалась она.

– Никак, – гулко сглотнув, отозвалась я.

У меня был очень хороший тренер по боевым навыкам, а я – его худшей ученицей. Вообще худшей. Мастер зверел примерно как Сейли сейчас, после занятий с ним я неизменно выползала из зала в основном на руках, ноги он ломал мастерски. А на одном из занятий он случайно задел грудь, я дернулась, всегда была застенчивой и стеснительной, и мастер это заметил. Его хищно прищуренные глаза мне еще долго снились по ночам, но драться я научилась быстро, инстинктивно пытаюсь избегать интимных прикосновений всеми способами. Так что в первую нашу совместную ночь, когда я приютила Гилбена, которому ночевать вдруг оказалось негде, он, пришедший ко мне в спальню, по его словам, «обнять», улетел в стену, и челюсть ему потом часа четыре по кусочкам собирали.

Я жутко извинялась, мне было безумно стыдно, но еще пару раз Гилбен улетал в стену, едва дотронувшись до моей груди. Мои отработанные рефлексy включались быстрее, чем разум пытался тормознуть удар. Рефлексy вообще всегда быстрее... но в какой-то момент начали сдавать и они. Внезапно мне стало нравиться видеть Гилбена по утрам в одних брюках, мы часто лежали на постели в обнимку и болтали о всяких мелочах, в одно такое утро он меня впервые долго целовал, и этот поцелуй отозвался во всем моем теле, в кончиках пальцев, приятным теплом в животе... Мне тогда казалось, что нет никого счастливее меня, и кто знает, что случилось бы дальше, если бы счастливая я не отпросилась у Полиглота пораньше с работы, чтобы... приготовить ужин любимому мужчине.

Ужин не удался.

На той самой постели, где еще утром он обнимал меня, целовал мои волосы и мы болтали о свадьбе, Гилбен... имел другую.

Мне было больно. Мне было больно, как никогда в жизни. Все мои эмоции, которые всегда были под контролем, болели, все вместе и каждая по отдельности. Я чувствовала себя так, словно мучительно гибну, когда спустя час в ресторане, на высоте двухсот этажей, глотая кофе с привкусом слез, отменяла свадьбу, больше всего мечтая спрыгнуть сейчас вниз и исчезнуть, просто исчезнуть навечно.

Следующий медосмотр выявил патологическое повышение эстрогена и тестостерона в моей крови, позже вскрылась и причина – гормоны мне подсыпали в кофе неизменно, каждое утро. Четко выверенную и постепенно увеличиваемую дозу. Так что вся моя просыпающаяся чувственность оказалась фикцией... четкой, дозированной фикцией.

– На сегодня достаточно, – сказала я Эринс и ушла в душ.

Долго стояла под струями воды, все еще пытаюсь смыть с себя прикосновения... Наивно пытаюсь смыть ВСЕ чужие прикосновения.

Когда вернулась, Сейли в комнате не было – видимо, психанула и ушла срывать злость в тренировочный зал. Я вообще думала, это Гэс избил самую большую грушу в зале до дыр, оказалось – она. Капитану Эринс, видимо, тоже было о чем сожалеть в жизни, как бы сильно она ни играла в обратное.

Устроившись на кровати, включила свой сейр – перешла на те две программы, что оставил для меня сахир. Первую я закончила вчера, за вторую с новыми силами собиралась взяться сегодня. Сил, правда, не было, но когда меня останавливали такие мелочи?

Подключилась, программа отсканировала мою сетчатку глаз и открылась... к моему искреннему удивлению, эротическим фильмом. Одним, вторым, третьим, четвертым, пятым... десятым. Я открывала файлы и мгновенно закрывала, как только становилось понятно, к чему дело идет. Дошла до самого последнего и вздрогнула – на меня с насмешкой смотрели темно-синие глаза с багровым зрачком. И сахир улыбался потрясающе провокационной улыбкой, чтобы, наконец, произнести с издевательской укоризной: «Вам должно быть стыдно, капитан Картнер, пропустили столько полезного учебного материала, из которого могли бы почерпнуть поистине глубочайшие знания о моих предпочтениях в сексе».

А также о ругательствах и сомнительных предложениях, которые неизменно звучали прежде, чем мужчины приступали к делу. Но это же сахир, он не относился к тем, кто отказывает себе в удовольствии поиздеваться напоследок.

А вот потом меня накрыло ледяной волной ужаса – он сказал «капитан Картнер». Капитан! Он никак не мог узнать о моем военном звании!

Но на видео сахир продолжал сидеть на полу, скрестив ноги все в той же расслабленной позе, и, улыбаясь, смотрел на меня. Внимательно смотрел. Так, словно видел прямо сейчас и знал, какой эффект произведут его слова.

Я отключила видео мгновенно, выключила сейр, глянула в сторону вернувшейся и ушедшей в душ Сейли, подскочила и бросилась к Гэсу. В каюте его не было, нашелся в тренировочном зале, выполняющим какую-то немыслимую асану, хотя я вообще не понимаю, как с его комплекцией можно стоять на одном пальце!

Увидев меня, отключил наушники, плавно опустился на пол, практически повторив позу сахира, и устало спросил:

– Что?

– Мое военное звание где-нибудь фигурирует вообще? – нервно спросила я.

Гэс, призадумавшись, отрицательно качнул головой и ответил:

– В принципе, нет. Мы с Сейли, естественно, в курсе, у нас достаточный уровень доступа, твои в управлении, кроме начальства, вряд ли.

В том-то и дело, что мои в курсе не были.

– Что-то не так? – осторожно уточнил он.

– Возможно, – нервно ответила ему.

Стопроцентно!

Я вернулась в нашу с Эринс каюту, включила сейр, и... ничего. Повторно видео с сахиром не воспроизвелось.

Я пыталась снова, снова и снова, но все, что могла видеть, – порнофильмы на энирейском. Смотреть их, естественно, желания не было никакого. Отключившись, я дождалась, пока Эринс выйдет из душевой кабинки и сама отправилась в душ. Почему-то росло ощущение грядущих неприятностей, и от этого предчувствия беды становилось трудно дышать.

Однажды со мной такое уже было – предчувствие, нехорошее, липкое, темное, затягивающее в омут депрессии с головой, заставляющее ощущать свою слабость, никчемность, неспособность к действиям и решениям... В это время умирал мой отец. Потерявший в схватке половину своей команды и получивший несовместимые с жизнью раны. Он дотянул до дома, обнял на прощание мать, моих братьев и сестру, попрощался со своими родителями и запретил что-либо говорить мне.

Он умирал, а я не знала об этом. Едва получившая статус кадета S-класса, я занималась по двадцать часов в сутки, но все равно чувствовала, просто чувствовала, что что-то не так, звонила домой и получала неизменное в ответ: «Все замечательно»...

Мастер Кахиро вызвал меня в свой кабинет спустя трое суток, приказал сесть, чего вообще никогда не делал, долго смотрел на меня, после выдал карточку постоянного клиента ресторана Эранеспрингс, свою личную карточку с неограниченным количеством кредитов и честно признался, что он свяжется со мной, только когда я выпью.

Это пугало, но мастер приказал – я сделала.

Приехала в самый фешенебельный ресторан столицы, села за барную стойку, протянула карточку постоянного клиента бармену и получила стакан прозрачной, явно крепкоалкогольной жидкости. Послушно выпила все до дна, даже не закашлявшись – к тому времени нас уже тренировали пить яды, так что какой-то алкоголь был мелочью в сравнении с этим, но опьянение стало неожиданностью, и сильной.

Поэтому словно в тумане я проследила за тем, как бармен протягивает мне черный, запечатанный алым воском конверт, а на сейр приходит сообщение от мастера Кахиро: «Твой отец был похоронен сегодня утром. Генерал не желал отвлекать тебя от учебы, ты его гордость. Держись».

Я... держалась.

Медленно открыла конверт и прочла последние слова отца, адресованные мне:

«Служи Гаэре».

Все эти годы я выполняла его наказ ревностно и рьяно, но, наверное, я никогда не прощу его за то, что он не позволил даже попрощаться. Хотя бы попрощаться... просто попрощаться...

– Картнер, – раздался голос Эринс из каюты, – слушай, если ты там рыдаешь, то заканчивай это дело, у нас есть занятия поважней, чем самобичевание и прочая дребедень.

– Судя по твоему настроению, груша в тренировочном отсеке уже почил вечным сном, – отозвалась я.

– Угу, – подтвердила мое предположение разведчица. – Вылезай уже.

* * *

Из душа я вышла с мокрыми волосами и в одном полотенце, уселась на кровать, внимательно глядя на Эринс.

– Знаешь, у меня какое-то плохое предчувствие, – неожиданно призналась она.

– У меня тоже, – призналась в ответ.

Сейли уселась на пол, обняла колени и умостила подбородок на них, затем задумчиво сказала:

– Ладно, с нами ассы, эти вытащат всегда и отовсюду, железные парни.

Вероятно. Утверждать точно я не могла – с этим подразделением мы редко пересекались.

– Давай дальше учить тебя выживанию, – как-то грустно улыбнулась Эринс.

– Что общего между выживанием и уроками по соблазнению? – поинтересовалась я, доставая расческу с полочки и принимаясь расчесывать мокрые волосы.

– Не скажи, – хмыкнула Сейли. – Мы прибываем на жестко патриархальную планету, где правят исключительно неслабые мужчины, и поверь, в этих условиях соблазнение – один из надежнейших способов выжить для нас с тобой.

– А что делать Гэсу и ассам? – Даже интересно стало.

– Ну, Гэс – спец по выживанию, ассы – собственно, асы выживания в любых условиях, как-никак бывшие десантники, а вот ты под моей ответственностью, и давай подстрахуемся на всякий случай от любых случайностей. В конце концов, знания лишними не бывают.

Вот тут я была с ней полностью согласна. А часы, демонстрирующие полночь, – нет.

Но мы продолжили.

Причем с постулата, в который я просто отказывалась верить:

– Мужчины влюбляются через ответственность, женщины – через постель, – сообщила Эринс.

На мое скептическое выражение лица отреагировала сказанным с тяжелым вздохом:

– Просто запоминай, у меня нет сил спорить и доказывать.

Запоминать бред было сложновато, и Сейли явно поняла мои мысли.

– Слушай, – сказала она после долгого разглядывания меня, – то, что мы цивилизованные люди, – вот это реальный бред. По факту, нами всеми правят инстинкты – правила, правят и будут править. Так вот, женщина в постели с мужчиной инстинктивно понимает, что может забеременеть, для ребенка нужна защита и опора, то есть отец, – все, мозг самки перестраивается, адаптируясь под самца. Это инстинкт, понимаешь? Женщины довольно сильно ограничены в возможностях размножения, поэтому автоматически партнер по постели воспринимается на уровень выше, чем те, кто до постели не дотянул. У мужчин же постель далеко не повод проникнуться чувствами к самке – иметь женщин он может столько, сколько пожелает, по пять штук в день при желании. Но если у него просыпается ответственность по отношению к конкретной... условно скажем, самке – все, щелк, зажужжало, включаются инстинкты, и он будет любить и защищать именно эту женщину и именно ее детей. Инстинкты, Картнер. Заметь, как среагировал на тебя первый пилот, как только осознал, что ты нуждаешься в его помощи. Собственно, поэтому мой совет – никакой постели до тех пор, пока мужчина не начнет чувствовать ответственность за тебя.

Она усмехнулась и спросила:

– Продолжаем?

Молча кивнула, переваривая услышанное.

– Долгий взгляд в глаза, – продолжила Сейли, – мы уже отработали этот навык, так что тезисно даю информацию. Учти, если ты смотришь мужчине в глаза примерно восемьдесят процентов разговора, он автоматически начинает ощущать заинтересованность в тебе как в женщине. Инстинкты.

Снова молча кивнула.

– Брови, – сказала Эринс, – брови, как ни странно, играют значительную роль – приподнимай их при встрече с мужчиной, это заставит его почувствовать, что ты рада встрече. Маленькая деталь – большие последствия. К таким же уловкам относится наклон головы при разговоре – это заставляет мужчину воспринимать тебя как заинтересованного собеседника, а те, кто интересуется нами, интересны нам.

Эринс посмотрела на меня долгим внимательным взглядом, я кивнула, демонстрируя, что все поняла.

– Еда, – продолжила разведчица, – внимательно смотри, как в твоём присутствии ест мужчина: если между вами выдвигается стол, чашка, тарелка – все, что угодно, он пытается абстрагироваться, прикрыться, закрыться, выстраивает стену фактически. В этом случае можно сказать – не твой мужик, но... если он тебе очень нужен, стена пробивается простым «Ой, а что это у тебя такое вкусное, можно я попробую?». Немного нахальства, еда с его тарелки, и... щелк, зажужжало – он тебя кормит, он за тебя отвечает, ты пробила стену и стала ближе.

– Запомню, – без особой уверенности в этом сказала я.

Сейли мой скептицизм поняла правильно и спросила:

– Спим?

Я кивнула.

Когда уже улеглись по кроватям и выключили свет, все же спросила:

– Эринс, кто тебя... этому обучал?

Она ответила не сразу, но все же ответила:

– Багор. Я из его подопечных.

С трудом удержала желание присвистнуть.

– Потом на курсах спортивного обольщения, когда мы Исинхая разрабатывали... Доразрабатывались, – мрачно добавила она.

– Спим, – заключила я.

– Угу, – отозвалась Эринс.

Но затем так же тихо рассказала:

– Картнер, эти знания спасали мне жизнь уже не раз и не два. На Гердне аборигены положили весь отряд – я выжила, потому что сумела «понравиться» сыну вождя. А потом сидела на нашей с ним свадьбе и смотрела, как едят тех, кто еще сутки назад жил, дышал и в целом был моей командой. К слову: с этим гамадрилом я не спала, как уже было сказано выше – постель следует откладывать до последнего, любыми способами, и так же любыми способами следует выживать, всегда, везде и в любых условиях.

– Я не слышала об операции на Гердне, – негромко сказала в темноту.

– Никто не слышал, – хмыкнула Эринс. – Разведуправление, в принципе, не распространяется о собственных «неудачах».

– Гердна вообще условно-цивилизована? – спросила я.

– Нет, – разведчица горько усмехнулась. – Нет, но ублюдкам хватило мозгов поковырявшись в упавшем на планету корабле, настроить сигнал SOS, а после радостно жрать всех, кто по наивности полетел спасать неведомых пострадавших... тоже уже сожранных, к слову. К нашим поступил сигнал после исчезновения седьмого корабля, мы прилетели просто проверить – ни один сканер не показал наличие разумной жизни на планете... Видишь ли, эти живут... жили под землей. И корабли они тоже утаскивали под землю, в карстовые пещеры. Собственно, за последним кораблем мы и сунулись... И... никто не выжил.

– А ты? – едва слышно спросила я.

– Перерезала горло гамадрилу в первую брачную ночь, что было непросто – мужик относился к дуалам и пытался перекинуться в звериную форму. Сбежала, пробралась на последний корабль, активировала систему самоуничтожения, поднялась на поверхность – из-за «свадьбы» корабль разведуправления закопать еще не успели – и покинула планету. После висела на орбите, наслаждаясь фейерверком. Напилась.

У меня... не было слов.

– Напилась, кстати, зря, с моими сломанными ребрами и прочими повреждениями алкоголь был явно не в тему, – безразлично добавила Эринс. – Но я ведь их даже похоронить не смогла... нечего хоронить уже было. И как-то смерть... к ней привыкаешь, а вот к тому, что даже хоронить нечего, – уже нет. С тех пор работаю или сама, или с Гэсом. Не могу больше в команде.

– Понимаю, – едва слышно выдохнула я.

– Наша служба и опасна и трудна, – усмехнулась Сейли. – Но понимаешь, когда я была на орбите, подлетел пассажирский крейсер. Они уловили сигнал SOS, и капитан принял решение помочь. Прикинь? Урод, у него семь тысяч пассажиров на крейсере, включая женщин и детей, куда ж ты лезешь геройствовать, мразь?! Считанные часы, Картнер, тупо считанные часы... они ведь погибли бы, причем все погибли бы. Там, на «кладбище кораблей», таких крейсеров было несколько... Собственно, после Багор потребовал внесение изменений в кодекс капитанов пассажирских крейсеров – теперь отклонение от курса карается расстрелом.

– Семь тысяч жизней... – эхом отозвалась я.

– До сих пор с ужасом думаю, что могла не успеть, – прошептала Эринс. – У меня были сильные повреждения, следовало остановиться и перевязать бедро хотя бы, но я как чувствовала – неслась вперед. Успела. Перехватила запрос крейсера, дала отбой. После пила, сидя перед монитором и глядя на то, как горит эта проклятая планета.

Она помолчала и тихо добавила:

– У меня ощущение, что с тобой я не успею. Не могу понять, в чем дело. С нами Гэс и ассы, по идее, выберемся отовсюду... но интуиция... Короче, я к чему все это – что бы ни случилось, ты должна выжить.

– Я не настолько безнадежна, чтобы не выбраться из любой передрыги, – мрачно заметила я.

– Я тебе только что описала ситуацию, в которой пятнадцать далеко не безнадежных тренированных мужиков стали смачным ужином для местных аборигенов, а я выжила исключительно по причине того, что кроме боевых

навыков у меня есть еще и исключительно женский арсенал, – еще мрачнее сказала Эринс. И добавила: – Все, спать.

И она действительно заснула, заставив меня искренне позавидовать ее крепким нервам. Мои такими крепкими не были, и я еще долго лежала, глядя в темноту. Интуиция. Да, у нас, кадетов S-класса, ее развивают основательно и конкретно, и, как и у Сейли, у меня интуиция тоже четко говорила о том, что все будет плохо.

Реально и основательно плохо.

* * *

Наутро выяснилось, что паршивые предчувствия овладели всеми. Мы сели за стол, даже толком не поздоровавшись. Ассы были мокрыми – с четырех утра они засели за тренировки, перед завтраком сходили в душ, и настроение было настолько паршивым, что даже вытираться никто не стал, так и заявились с мокрыми волосами. Гэс был неожиданно мрачен, Сейли вообще огрызалась на любое слово, кэп молча жевал утреннюю кашу с минералами, а я...

– Доброе утро, мисс Картнер, я вам чай сделал, – прозвучало, едва я села, и мы все с удивлением посмотрели на первого пилота.

Молодой мужчина заметно смутился, но твердо поставил передо мной чай и, положив булочку, сообщил:

– Это не пшеничная мука, но я выбрал максимально подходящий для вашего рациона рецепт.

Сказав все это, парень ушел за свой стол, оставив всех нас молча смотреть на булочку. Один из ассов встал, ушел к пищевому блоку, отыскал рецепт булочек, который вбил первый пилот и вскоре вернулся с блюдом, заполненным выпечкой.

Настроение как-то сразу поднялось у всех, и да, пусть не из белой муки, но хоть что-то не скрипящее на зубах витаминными добавками.

– Лады, сегодня я ваша подопытная птыца, – заявил приготовивший булочки асс, ответственно прожевавший кашу для начала и только после перешедший к сдобе.

– Отвянь, место прочно занято, – ядовито улыбнулась ему Эринс.

– Мне вырубить парня? – поинтересовался убийца.

– Мне предъявить общественности твое убогое пение в душе? – с самой милой из улыбочек спросила разведчица.

– Врежу обоим, – многозначительно пообещал Гэс.

И все вернулись к завтраку, первому действительно вкусному завтраку за все время полета.

* * *

До прилета на Рейтан оставалось трое суток. И собственно наступило время мне рассказать о ситуации моей команде. Говорить о том, как меня подставили, оказалось тяжело, поэтому у нашего сегодняшнего занятия было очень долгое вступление, в процессе которого я стояла, мучительно подбирая слова, а народ сидел, пристально глядя на меня.

Первой не выдержала Эринс:

– Картнер, хорош тянуть кота за, условно выражаясь, хвост.

– Кота не трогать, – оборвал ее Гэс, – я... скучаю.

– Не парься, пока ты тут скучаешь, он там свою породу активно распространяет, – хмыкнула Сейли.

– Хорошо, буду откровенен – скучаю и завидую, – пробубнил Гэс.

– Да ладно тебе, секс это всего лишь секс, – пожала плечами Эринс.

- Глубокомысленно сказала девственница, – съехидничал один из ассов.
- Продажная девственница, – добавил другой.
- Высоко стоящая и хорошо продающаяся девственница, – добавил третий.
- Сейчас буду зверствовать! – предупреждающе прошипела Сейли.

Моральный дух нашей команды находился на отметке ниже некуда.

- В общем, – прерывая начинающийся конфликт, начала я, – Гилбен, отвечающий за мое обучение энирейскому, провел подмену понятий, и в принципе обучал меня фразам с крайне интимным подтекстом.

Ругаться все мгновенно перестали и заинтересованно уставились на меня.

- То есть? – спросила Эринс.

- То есть по замыслу Гилбена во время встречи с герхарнагерцем я должна была сказать что-то вроде «Возьми меня наиболее пошлым способом».

Странное дело – такой заинтересованности я в своих учениках еще не наблюдала.

- Так-так, – нехорошо протянул Гэс, – то есть наша спящая красавица тот еще козел. Подробности, Картнер.

Через час они знали подробности. Еще через два удивительным образом овладели матерщинным лексиконом Рейтана, причем и произношение, и интонации фраз уловили практически мгновенно. И я, трое суток бившаяся только над тем, чтобы они научились правильно произносить слово «герхарнагерц», была искренне потрясена тем, как быстро они выучили пошлые фразы и слова. А главное, с каким воодушевлением.

* * *

Последние два дня полета мы снова и снова отрабатывали этикет. Я заставляла повторять каждый поклон, каждое движение, каждый жест по много раз, потому что... слова Сейли о том, как убили ее команду, засели где-то глубоко в сердце, сковав его ледяной хваткой страха. Я просто очень отчетливо знала, что любая ошибка может привести к их смерти, и боялась за них. За Эринс, которую учила, учила и снова учила не смотреть в глаза мужчинам Рейтана, в принципе, не поднимать взгляд во время разговора, учила Гэса, отрабатывая в нем навык покорности и заставляя отказаться от любых жестов, которые энирейцы могли воспринять как проявление агрессии, учила ассов, как правильно держать руки в позе подчинения.

Тренировки, тренировки, тренировки.

Я приходила в комнату и сваливалась в постель, не доходя до душа. Занятия с Эринс пришлось отменить – у нас не было сил на это, просто не было сил.

А по ночам я вскакивала от кошмаров, в которых мою команду убивали на моих глазах так, как убивали дипломатов других стран на видео, показанных мне сахиром.

Один из таких кошмаров был прерван словами капитана:

«Внимание, до орбиты Рейтана – час полета».

Я мгновенно проснулась и села на постели. Точно так же на своей села Эринс. Мы переглянулись.

– Ну что, погнали? – невесело усмехнувшись, спросила она.

«Служи Гаэре» – вспомнила я последние слова моего отца.

– Да, – кивнула, облизнув вмиг пересохшие губы, – погнали.

Страх... У меня было ощущение, что я им сейчас дышала.

Быстрый завтрак.

Двадцать минут на медитацию.

Сообщение от Сейли: «Спящий козел проснулся».

Началось.

* * *

Пока я шла в капитанскую рубку, проснувшийся Гилбен, несмотря на атрофировавшиеся за время лежания в полете мышцы, обкололся стимуляторами и начал проявлять небывалую активность. Он собрал всю команду, стал спешно работать с их произношением, чтобы они, не дай небо, не высказали то, чему он, собственно, обучил меня. Ассы с не свойственной для спецов их уровня актерской игрой старательно повторяли за ним, но исключительно пошлые выражения, чем доводили и так бледного и с трудом стоящего Гилбена до белого каления. Сейли издевательски записывала все на сейр и присылала мне. Это несколько снимало нервное напряжение, охватившее меня перед первым контактом с Рейтаном.

Капитан Нарен тоже нервничал, и только первый пилот Дем проявлял удивительное спокойствие и... заботился обо мне. Чай сделал, принес булочку с маслом, и даже конфеты где-то достал. Я искренне поблагодарила, но не ощутила вкуса ни еды, ни чая.

За пятнадцать минут до приближения к орбите Рейтана с нами вышли на связь.

«Аграхир нергха?» – раздалось в рубке управления.

«Даэгхреа, эйнер Гаэра таэцхг», – очень спокойно, даже не ожидала от себя такого, ответила я.

Но оно пришло – спокойствие и деловая собранность.

И уверенность в себе стала лишь крепче, едва диспетчер удивленно спросил:

«Акрэ Рейтан?» – что переводилось как «дочь Рейтана?».

«Сахг Гаэра таэцхг», – обозначила я свой статус как главы дипломатического посольства Гаэры.

И в очередной раз мысленно поблагодарила «любимого» – он натаскал меня превосходно, практически до уровня носителя языка.

И в этот момент в капитанскую рубку влетел Гилбен. Он был бледен, его трясло от стимуляторов, но мой бывший менее всего сейчас обращал внимание на собственное состояние.

– Я сам! – заорал он, подлетая к переговорному устройству. – Зззаймись собой, – бросил мне, хватаясь за микрофон, – я тебе платье принес, переоденься, волосы распусти – ты представитель Гаэры, цивилизации, продвинутой в плане прав женщин, надо соответствовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/elena-zvyozdnaya/mahinaciya>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)